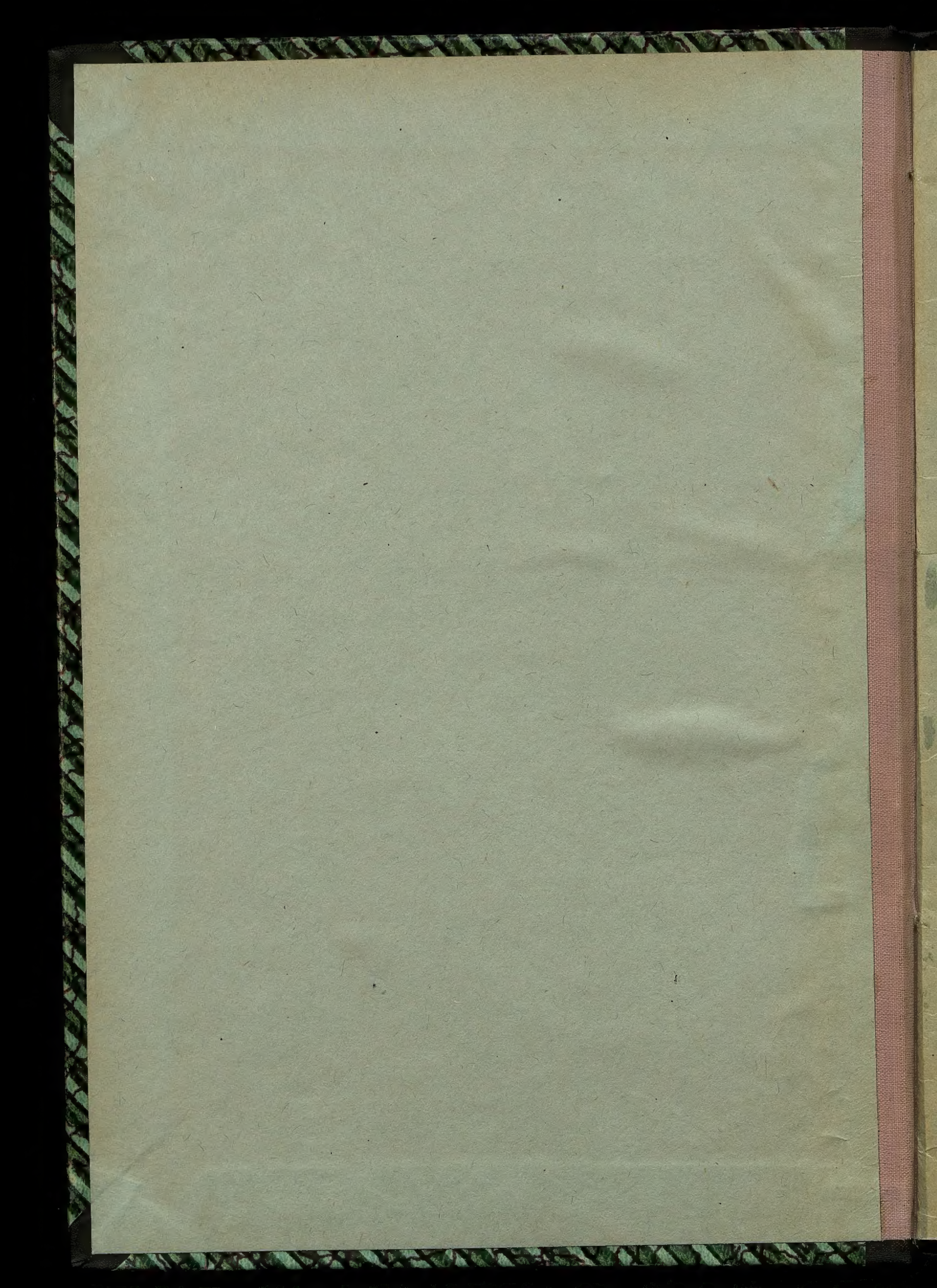

Г81 4/60
БФ/I

Сборникъ Музея Антропологіи и Этнографіи при Императорской Академіи Наукъ. Томъ IV, 1.
Publications du Musée d'Anthropologie et d'Ethnographie de l'Académie Impériale des Sciences de Petrograd. Volume IV, 1.

В. М. Іоновъ.

ДУХЪ-ХОЗЯИНЪ ЛѢСА У ЯКУТОВЪ.

Бāі хара тыа іччітӓ Бāі Баjанаі Бāі Барылāх.

(Представлено въ засѣданіи Историко-Филологическаго Отдѣленія 11 февраля 1915 г.).

ПЕТРОГРАДЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1916.

Сборникъ Музея Антропологіи и Этнографіи при Императорской Академіи Наукъ. Томъ IV, 1.
Publications du Musée d'Anthropologie et d'Ethnographie de l'Académie Impériale des Sciences de Petrograd. Volume IV, 1.

В. М. Іоновъ.

ДУХЪ-ХОЗЯИНЪ ЛѢСА У ЯКУТОВЪ.

Бāі хара тыа іччітā Бāі Бajанаі Бāі Барылāх.

(Представлено въ засѣданіи Историко-Филологическаго Отдѣленія 11 февраля 1915 г.).

Когда набиралось приложеніе, моя статья была уже отпечатана, и я не могъ внести поправки соотвѣтственно измѣненіямъ, сдѣланнымъ С. А. Новгородовымъ во время корректированія. Благодаря этому, стихъ 67 оказался неправильно цитированнымъ (стр. 14, строка 8 сверху).

Пользуюсь случаемъ исправить досадную описку на стр. 25: вмѣсто «березовый колокъ» надо читать «сосновый колокъ» (оі бāс).

В. Іоновъ.

Сборникъ Музея Антропологіи и Этнографіи при Императорской Академіи Наукъ. Томъ IV, 1.

Publications du Musée d'Anthropologie et d'Ethnographie de l'Académie Impériale des Sciences de Petrograd. Volume IV, 1.

В. М. Іоновъ.

ДУХЪ-ХОЗЯИНЪ ЛѢСА У ЯКУТОВЪ.

Бāі хара тыа іччітä Бāі Баjанаі Бāі Барылāх.

(Представлено въ засѣданіи Историко-Филологическаго Отдѣленія 11 февраля 1915 г.).

ПЕТРОГРАДЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1916.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Мартъ 1916 г. Непремѣнный Секретарь академикъ *С. Ольденбургъ.*

Духъ-хозяинъ лѣса у якутовъ[1].

Бāі хара тыа іччітä Бāі Бajанаі Бāі Барылāх.

Духъ-хозяинъ лѣса (тыа іччітä), какъ показываетъ якутское названіе, относится къ разряду іччі (хозяинъ), рѣзко отграниченному какъ отъ аjы (творческое начало, «добрые духи», какъ ихъ нѣкоторые называютъ), такъ и отъ абāсы (пожиратели, такъ называемые нѣкоторыми «злые духи»).

Въ литературѣ, касающейся вѣрованій якутовъ, духъ-хозяинъ лѣса обрисованъ не достаточно опредѣленно. В. Л. Сѣрошевскій на стр. 672—673 «Якутовъ» говоритъ: «Закончу этотъ краткій обзоръ якутскихъ вѣрованій описаніемъ культа, отличающагося отъ всѣхъ приведенныхъ выше мрачныхъ повѣрій своимъ свѣтлымъ жизнерадостнымъ характеромъ. Сущность этого культа состоитъ въ поклоненіи плодородію, обилію, богатству и вообще всему, что способствуетъ поддержанію и нарожденію жизни. Всѣ боги, опекуны и дарители этихъ благъ, живутъ на *востокѣ* (курс. авт.)..... Тамъ же на востокѣ, но только большей частью на землѣ, въ лѣсахъ, проживаетъ тунгусообразный, но бородатый, обросшій сѣдыми или рыжими, иногда черными волосами *богъ охотниковъ* (курс. мой) Бай Баинай (Богачъ Баинай); онъ очень богатъ, особенно мѣхами... Баинаю, какъ только рѣка вскроется, ставятъ *рыбаки* (курс. мой) на берегу, тутъ же у воды, двѣ палки съ натянутой между ними волосяной веревкой, съ кусками цвѣтного тряпья и пучками конскихъ волосъ; *въ рѣку* (курс. мой) бросаютъ тогда масло, оладьи и т. п. Подарки эти Баинай раздѣляетъ съ своимъ пріятелемъ—бѣднымъ, но беззаботнымъ, веселымъ и смѣшливымъ богомъ рыбаковъ—Укуланомъ.

«Центральной фигурой описуемаго культа слѣдуетъ, однако, считать Аисытъ, существо женскаго пола, символъ плодородія по преимуществу».

---

[1] Настоящая статья написана на основаніи матеріаловъ, собранныхъ мною во время Якутской экспедиціи въ 1894—96 гг. При использованіи имѣющагося у меня матеріала я включилъ сюда и то, что было доступно мнѣ въ существующей литературѣ. Статья просмотрѣна въ рукописи Н. А. Виташевскимъ, Э. К. Пекарскимъ и Л. Я. Штернбергомъ; считаю долгомъ выразить имъ здѣсь свою благодарность за сдѣланныя указанія.

Такимъ образомъ, здѣсь духъ-хозяинъ лѣса смѣшивается съ духомъ-хозяиномъ воды и іччі — съ ајы̄, каковымъ является Аисытъ (Ајы̄сыт).

В. Л. Приклонскій[1] упоминаетъ о Ба̄і Бајанаі два раза. Разсказывая о первомъ «народномъ праздникѣ» (ысыах), устроенномъ однимъ изъ предковъ якутовъ, онъ перечисляетъ имена божествъ, которыхъ призывалъ распорядитель праздника. Въ спискѣ этихъ «божествъ» мы находимъ:

«8) Бай-баянай[2]; ихъ семь братьевъ:

а) Бай-барылах; б) Куралай-бяргянь и в) Курагаччи-сюрюкъ—боги охоты и промысловъ; г) Долбунъ-сокхоръ и д) Соссанъ-эркинъ—препятствующіе охотѣ и промысламъ; е) Тыга-бытырысъ и ж) Ханнахъ-сегеленъ — боги промысловъ» (Вып. II, стр. 30).

И у В. Л. Приклонскаго Ба̄і Бајанаі и другіе іччі стоятъ рядомъ съ ајы̄.

Приведу еще указаніе В. Л. Приклонскаго изъ V главы:

«Якутскія божества.... дѣлятся на добрыхъ духовъ, имѣющихъ общее названіе Аи, тангара (Богъ), и злыхъ или демоновъ. Къ числу первыхъ принадлежатъ:.... Бай-Баянай—*богъ звѣроловъ* (курс. мой); онъ сопровождаетъ промышленника *повсюду* (курс. мой) и невидимо помогаетъ въ ихъ (въ его?) промыслахъ. Якутъ, отправляющійся въ дальнюю дорогу за добычею звѣриныхъ шкурокъ, вырѣзаетъ изъ дерева идола, обмазываетъ его кровью животнаго, которое убиваетъ въ его честь. Мясомъ убитой скотины угощаютъ шамана и гостей, а статую Бай-баяна[й] ставятъ въ передній уголъ на почетный оронъ (почетная нара въ лѣвомъ переднемъ углу). Иногда Бай-баянай остается въ своемъ углу многія лѣта» (Вып. IV, стр. 59—60).

Въ приведенной выше выпискѣ имя Бай-Баянай является общимъ для семи братьевъ, изъ которыхъ двое «препятствуютъ охотѣ и промысламъ»; теперь Бай-Баянай «невидимо помогаетъ въ ихъ промыслахъ». Никакихъ разъясненій этого обстоятельства у В. Л. Приклонскаго мы не находимъ, и Бай-Баянай отнесенъ къ разряду «добрыхъ духовъ, имѣющихъ общее названіе Аи, тангара (Богъ)». Не говоря уже о томъ, что Ба̄і Бајанаі не имѣетъ никакого отношенія къ ајы̄, наличность словъ «таңара (Богъ)» указываетъ, что В. Л. Приклонскій безъ всякой критики пользовался показаніями лицъ, мало знакомыхъ съ трактуемыми имъ вопросами. Таңара въ смыслѣ «Богъ» (Ајы̄ Таңара) употребляется только въ переводахъ Св. Писанія на якутскій языкъ, а якутами теперь употребляется чаще въ смыслѣ «икона», «праздникъ», и никогда они не назовутъ такъ Ба̄і Бајанаі-я.

[1] В. Л. Приклонскій. Три года въ Якутской области. Этнографическіе очерки. Живая Старина. 1890. Вып. I—IV.

[2] Въ текстѣ «баяндай», но это, повидимому, опечатка, такъ какъ далѣе у В. Л. Приклонскаго правильная форма—Бай-Баянай (см. ниже).

С. В. Ястремскій[1] довольно подробно описываетъ культъ «бога охоты», какъ онъ его называетъ, но онъ ничѣмъ не характеризуетъ ту категорію духовъ, къ которой относится Бāі Бајанаі. Приводимые С. В. Ястремскимъ тексты и сообщенія якута очень интересны. Тексты я приведу ниже и тогда же подробно остановлюсь на тѣхъ сообщеніяхъ, которыя я вынужденъ оспаривать, теперь же перейду къ «Черной вѣрѣ» В. Ф. Трощанскаго[2]. Послѣдній рѣзко разграничиваетъ упомянутыя выше три группы якутскихъ духовъ (ајы̄, іччі, абāсы), подробно характеризуетъ группу іччі, къ которой относится духъ-хозяинъ лѣса, но при перечисленіи именъ безъ всякой критики слѣдуетъ за А. Слѣпцовымъ[3] и безъ всякаго основанія утверждаетъ, что духамъ-хозяевамъ не приносится кровавыхъ жертвъ (стр. 193).

Вотъ что говоритъ В. Ф. Трощанскій: «Къ той же группѣ божествъ[4] нужно отнести слѣдующихъ: Бāі бајанаі и его шесть братьевъ, лѣсныхъ боговъ, покровительствующихъ лѣснымъ и водянымъ промысламъ. Между ними, *впрочемъ, есть* (курс. мой) два—Суоҕан (Суојун) äркін и Добун сохкор, которые постоянно препятствуютъ промыслу» (стр. 53; ср. вышеприведенную выдержку изъ В. Л. Приклонскаго).

Для выясненія фигуры духа-хозяина лѣса считаю нужнымъ прежде всего отмѣтить одну сторону, на которую ни одинъ изъ упомянутыхъ выше авторовъ не обратилъ вниманія. Духъ-хозяинъ лѣса (тыа іччітä) долженъ бы, казалось, владѣть лѣсомъ, какъ таковымъ (вмѣстѣ, конечно, со всѣмъ содержимымъ). Именно этого и нѣтъ. Якутъ, отправляющійся въ лѣсъ рубить деревья, — сухія на дрова или живыя на постройку, безразлично,—никогда не подумаетъ обратиться за разрѣшеніемъ къ духу-хозяину лѣса (тыа іччітä). Послѣдній является, собственно говоря, хозяиномъ *нѣкоторыхъ* только лѣсныхъ звѣрей и птицъ[5], но даже и при этомъ ограниченіи нужно сдѣлать оговорку относительно способовъ, примѣняемыхъ при добываніи ихъ. Въ виду этого я считаю нужнымъ остановить вниманіе читателя на орудіяхъ и пріемахъ промысла, примѣняемыхъ якутами.

При добываніи звѣря и птицы якуты употребляютъ пасть (кӱӱмäн), плашки (сохсо), самострѣлъ (аја), капканъ (чāркāн), петли (тусах, тіргä,

---

[1] С. В. Ястремскій. Остатки старинныхъ вѣрованій якутовъ. Извѣстія В.-С. Отдѣла И. Р. Г. Общества. Томъ XXVIII, № 4, 1897 г. Я цитирую по отдѣльному оттиску.

[2] В. Ф. Трощанскій. Эволюція черной вѣры (шаманства) у якутовъ. Ученыя Записки Императорскаго Казанскаго Университета. 1902. Я цитирую по отдѣльному оттиску.

[3] А. Слѣпцовъ. О вѣрованіяхъ якутовъ Якутской области. Извѣстія В.-С. Отдѣла И. Р. Г. Общества. Томъ XVII, №№ 1 и 2, 1886 г.

[4] Къ группѣ іччі.

[5] Дерево якуты склонны считать достояніемъ духа-хозяина земли (доіду іччітä), хотя у нихъ есть еще духи-хозяева растительности (от-мас іччітä).

доҕӯр), наконецъ, лукъ и стрѣлы (сā, ох). Объ огнестрѣльномъ оружіи я не говорю, такъ какъ оно сравнительно недавно вошло въ употребленіе и, принявъ якутское названіе (сā), встало въ одну категорію съ лукомъ и стрѣлами. Здѣсь нужно замѣтить (и я особенно подчеркиваю это въ высшей степени важное обстоятельство, на которое мнѣ придется ссылаться), что Бāі Бајанаі имѣетъ отношеніе ко всѣмъ способамъ промысла[1], за исключеніемъ лука и стрѣлъ, а слѣдовательно, и ружья. Теперь, когда старинныя вѣрованія якутовъ потускнѣли и спутались, легко можетъ случиться, что къ Бāі-Бајанаі обратится и промышляющій съ ружьемъ, но этотъ фактъ не можетъ имѣть значенія, такъ какъ для провѣрки мы имѣемъ еще одно средство. Промыселъ, разъ онъ вызываетъ необходимость извѣстныхъ отношеній къ іччі, требуетъ соблюденія опредѣленныхъ условій, требуетъ бережи (харыс), и если намъ говорятъ, что въ такомъ то случаѣ бережнаго отношенія не требуется (харса суох), мы въ правѣ игнорировать наличность обращенія къ Бāі Бајанаі[2].

Приведу теперь списокъ звѣрей и птицъ, которыхъ даетъ Бāі Бајанаі: сохатый (таҗах), лисица (сасыл), заяцъ (куобах), горностай (кырынāс), кабарга (дāдаҕас или бӯчāн), горный баранъ (чубука), хорекъ (соломо), глухарь (улар), тетеревъ (куртујах), куропатка (хабдҗы). Но относительно сохатаго надо замѣтить, что его промышляютъ двумя способами: настораживаютъ на него самострѣлъ или по насту загониваютъ его и убиваютъ. Аја кы̄ла[3] харыстāх, сојуо кы̄ла харса суох, т. е. сохатый, упромышленный при помощи самострѣла (аја), требуетъ бережнаго отношенія къ себѣ (соблюденія извѣстныхъ правилъ), а сохатый, загнанный по насту и убитый, такого отношенія не требуетъ. Подъ сомнѣніемъ остаются медвѣдь (ӓсӓ), росомаха (хоборо̄ңку или сіäгäн), рысь (бäдäр), бобръ (буобра), выдра (бы̄дара), соболь (кі̄с, ӯс, сāрба). Къ медвѣдю отношеніе нѣсколько особое, и рѣчь о немъ я откладываю до другого раза. Что же касается

---

[1] Я избѣгаю слова «охота» въ виду его двойственнаго значенія.

[2] Харыс, харыстā. Я не могу подобрать подходящихъ словъ для перевода этихъ выраженій. Предлагаютъ табу и эвфемизмъ, но ни то, ни другое не соотвѣтствуетъ значенію приведенныхъ выраженій. Въ извѣстныхъ случаяхъ (въ дорогѣ, при промыслѣ и т. п.) нѣкоторыя вещи и дѣйствія нельзя называть настоящими словами или потому, что злой духъ можетъ услышать и причинить вредъ (вмѣсто ыңы̄р сѣдло, ынды̄ вьюкъ говорятъ хара черное и т. п.), или потому, что обидится іччі (вмѣсто названія урочищъ, рѣкъ и пр. говорятъ ӓ̄бӓ̄ бабушка и т. п.). Есть запрещенія общія: нельзя называть урочища (рѣки, озера и т. п.), когда находишься вблизи его: для этого существуетъ общее названіе — ӓ̄бӓ̄ бабушка. Есть запрещенія специальныя: невѣстка (кіҗі̄т), напр., не можетъ называть свекра его якутскимъ прозвищемъ, и т. д.

Харыс въ отношеніи Бāі Бајанаі-я состоитъ въ запрещеніи нѣкоторыхъ дѣйствій, нарушеніе котораго влечетъ за собою прекращеніе промысла.

[3] Сохатый чаще всего называется просто кы̄л, звѣрь.

другихъ упомянутыхъ звѣрей, то они почти совершенно исчезли изъ коренного якутскаго района, и мнѣ не удалось встрѣтить не только человѣка, занимавшагося ихъ добычей, но и такого, который могъ бы дать объ этомъ свѣдѣнія. Остается бѣлка (тīӊ) и водоплавающая дичь. Бѣлку въ нѣкоторыхъ глухихъ мѣстахъ, напр., въ верховьяхъ Индигирки (на Öімöкōн-ѣ), еще въ концѣ прошлаго столѣтія (теперь не знаю) били изъ луковъ, вообще же бьютъ изъ ружья, а потому и Бāі Бајанаі не имѣетъ къ ней отношенія. Не имѣетъ онъ отношенія и къ водоплавающей дичи.

Итакъ, духъ-хозяинъ лѣса имѣетъ отношеніе только къ тому промыслу, при которомъ примѣняются пасть, самострѣлъ, петля, т. е. орудія, общія всѣмъ инородцамъ сѣверо-востока; къ дичи, промышляемой при помощи лука, онъ никакого отношенія не имѣетъ. Этимъ замѣчаніемъ я воспользуюсь впослѣдствіи.

Всѣ показанія сходятся въ томъ, что Бāі Бајанаі — очень веселый, шумливый старикъ. Онъ обросъ сѣдыми волосами и сѣдой бородой, по наружности похожъ, по однимъ показаніямъ, на тунгуса, по другимъ — на якута. Тунгусообразнымъ, по моимъ записямъ, онъ является охотнику во снѣ передъ удачнымъ промысломъ. Въ призываніи, записанномъ С. А. Новгородовымъ[1], Бāі Бајанаі ѣздитъ *на оленѣ*, носитъ тӯсӯлӯк (передникъ) — принадлежность костюма тунгусовъ. Будучи самъ шумливымъ и веселымъ, онъ любитъ, чтобы облагодѣтельствованные имъ шумѣли и веселились. Когда внесутъ попавшаго въ капканъ горностая, ему мажутъ носъ масломъ или сливками, *хохочутъ* и произносятъ заклинаніе[2]. Когда завидятъ издали павшаго на аја (самострѣлъ) сохатаго, то прыгаютъ, скачутъ, кричатъ[3], *хохочутъ*, такимъ образомъ стараясь показать, что очень радуются. Нѣкоторые вскакиваютъ на сохатаго верхомъ и *хохочутъ*.

---

[1] С. А. Новгородовъ лѣтомъ 1914 г. Русскимъ Комитетомъ для изученія Средней и Восточной Азіи былъ командированъ въ Якутскую область и представилъ въ Комитетъ записанное имъ призываніе Бāі Бајанаі. См. Приложеніе.

[2] Предполагается, что угощается Бāі Бајанаі, къ нему же обращена и просьба:

һа-һа-һа-һыак!
Атаспыт! Ӯрäх-ӯрäх басыттан ӱöргӱн сӱрӱккӱӊ ӱрäн-тӱрӱјäн кä-äl!
Ахтāх асынан ајах тута тосуідубут!

Ха-ха-ха-ха!
Пріятель, съ верховьевъ рѣчекъ (т. е. съ возвышенностей) своихъ бѣгуновъ пригнавши-согнавши, приходи!
Съ подношеніемъ изъ запасовъ пищи встрѣтили мы тебя!

[3] һо-һо һок-һок!
Кöр, хара тыа іччітä біäрбіт!
һок-һок!

Хо-хо!
Смотри, хозяинъ темнаго лѣса далъ!
Хо-хо!

Перейду къ вопросу, сколько всѣхъ Бајанаі-евъ, для чего приведу списки Бајанаі-евъ и тексты заклинаній.

Выше мы видѣли, что, по В. Л. Приклонскому, всѣхъ Бајанаі-евъ семь. То же повторяетъ и В. Ф. Трощанскій.

По С. В. Ястремскому, «Баянаевъ—духовъ, покровительствующихъ охотѣ — 11: девять родныхъ братьевъ и двѣ ихъ сестры. Они произошли отъ людей. Въ глубокой древности жили девять братьевъ и двѣ сестры; они были бѣдные и пропитывались исключительно звѣроловствомъ. Когда они умерли, то души ихъ превратились въ Баянаевъ[1].

«Имена ихъ слѣдующія[2]:

«1. Бāі хара тыа іччітä бāі Бајапаі — баідам тутӯ — баібары [?] бäрімнјі — кӧр сӧгӧlӧн[3] (Духъ богатаго темнаго лѣса богатый Баянай — щедрая подачка — обильно надѣляющій — обиліе пушнаго);

2. Ӧндӧlӱкӱ бӧкӧнӧ (Сгорбившійся громадина);

3. Äliп хандаҕаі (Лихой великанъ);

4. Дабы [?] соххор (Далеко хватающій кривой);

5. Кустук тарбах (Хваткіе пальцы);

6. Куралаі бäргäп (Мѣткій, какъ стрѣла);

7. Кураҕаччы сӱрӱк (Бѣгунъ, какъ кроншнепъ[4]);

8. Чочу кылӀсыт (Скакунъ на одной ногѣ);

9. Сырāна кӱlӱк (Слабая тѣнь);

и сестры:

10. Tällǟx täliäрімä (Съ развѣвающимися полами);

11. Ытык субаідāн (Почтенная охотница до крови)». (Стр. 31—32).

«а) *Призываніе Баянаевъ передъ охотою.*

«Звѣроловъ, наставивши свои самострѣлы, ловушки и пасти, вечеромъ, стоя передъ огнемъ, призываетъ всѣхъ Баянаевъ по именамъ и говоритъ: ѣшьте! кушайте!. И съ этими словами бросаетъ въ огонь лучшій кусокъ: мясо или масло».

---

[1] Эта легенда, аналогичная легендѣ объ ыі іччітä (духъ-хозяинъ луны—дѣвочка-сирота, взятая луной и до сихъ поръ находящаяся на ней), вызываетъ большое сомнѣніе относительно своего происхожденія. Какъ я уже имѣлъ случай говорить раньше (Сборникъ Музея Антропологіи и Этнографіи. Т. I, в. XVI, 1913 г., стр. 2), душа (сӱр) умершаго превращается въ ӱӧр. Дѣвочка-сирота взята живою и жива до сихъ поръ. Здѣсь же люди *послѣ смерти* превратились въ іччі.

[2] Имена духовъ, а также приводимые ниже тексты напечатаны у С. В. Ястремскаго латинскимъ шрифтомъ, при чемъ долгіе звуки обозначены курсивными буквами. Я даю все это въ академической транскрипціи.

[3] Сӧгӧlӧн?

[4] Кроншнепъ по-якутски — ђіäрäн, а кураҕаччы значитъ сукалень.

Н. К. Жирковъ, записавшій это для С. В. Ястремскаго, очевидно, представлялъ себѣ промышленника, отправившагося недалеко. Но можетъ случиться, что онъ дойдетъ до намѣченнаго для промысла мѣста только къ вечеру и, не успѣвъ насторожить свои пасти, долженъ будетъ развести огонь. И жертвоприношеніе и заклинаніе находятся въ зависимости отъ этого момента. Въ первый же разъ, какъ промышленнику приходится развести огонь, онъ бросаетъ въ него пищу (масло или мясо, обязательно жирное, чтобы былъ сильный, специфическій запахъ) и призываетъ духа-хозяина огня (уот іччітā), духа-хозяина растительности (от-мас іччітā), а затѣмъ уже Бāі Баjанаі-я.

Продолжаю выписку:

«Духи въ это мгновеніе вселяются въ охотника и устами его говорятъ: «һук діä! һук діä! Бу асы ӱölӱ, бу асы ӱölӱ — ho! ho! ho! — бу атастарбын, бу атастарбын кöр äрä! Ӱрӱӊ хара кылāннāхпын ӱlläр ӱрӱjäбіттäн, тыллар тырахтабыттан[1] ӱрäн кыідāн хата аҕалājабын, сытӹ тыӊкыраібын[2] тӹтājабын, äрчімнāх älбäрäкпін[3] äсājäбін, обуннāх осхорбун[4] охсōjобун, хатат[5] хардаҕаспын[6] хамнатājабын (ыі оччотугар)!

«Кім бāрыі міjігін кытта сырсыах, кылысыах?

«Ой-ой-ой! ой-ой-ой! Вотъ обиліе пищи, вотъ обиліе пищи! Ха-ха-ха! Смотри-ка, каковы друзья у меня, каковы друзья у меня! Не пригнать ли мнѣ съ гикомъ бѣлую и черную пушнину съ дальнихъ падей и распутій? Не тронуть ли вострую насторожку самострѣла? Не спустить ли тугой курокъ? Не хватить ли ярою стрѣлою? Не шевельнуть ли крѣпкое полѣно[6]? (Назначаетъ день мѣсяца).

«Кто найдется поспорить со мною въ бѣгѣ иль въ прыганьи на одной ногѣ?

«Слѣдуетъ отвѣтъ со стороны охотника: «Никто не можетъ!»

«И опять раздается хвастливый хохотъ Баянаевъ. Охотникъ, когда вселяется въ него Баянай, приходитъ въ нѣкоторый экстазъ: произнося слова Баяная, прискакиваетъ и дѣлаетъ гримасы. Лицо наполовину *мажетъ кровью*, а другую половину оставляетъ, въ видѣ приманки, недомазанною, *чтобы домазать послѣ, когда опять упромыслитъ звѣря*» (стр. 32—33; курсивъ вездѣ мой).

Подчеркнутыя мною слова вызываютъ недоумѣніе. Вѣдь обрядъ совершается въ лѣсу, и въ огонь бросается масло или мясо *изъ запаса* про-

---

[1] Слѣдуетъ: тырāхтабыттан. [2] тыӊкыраігын? [3] älбäрäккін? [4] осхоргун? [5] Слѣдуетъ: хатан. [6] хардаҕаскын? — Здѣсь, какъ и у С. А. Новгородова, вмѣсто аjа (самострѣлъ) стоитъ хардаҕас (полѣно). Это — обычная замѣна одного слова другимъ (харыстāн, оберегаючи) въ случаяхъ, гдѣ можно ожидать вмѣшательства злыхъ духовъ.

мышленника. Откуда же берется кровь? Другую половину лица онъ вымажетъ «послѣ, когда *опять* упромыслитъ звѣря». Но вѣдь онъ еще ничего не упромыслилъ, а только насторожилъ свои самострѣлы, ловушки и пасти. Повидимому, Н. К. Жирковъ смѣшалъ здѣсь обычное приношеніе при разведеніи огня съ обрядомъ, именуемымъ Барылāх тардар (призываніе Баjанаі-я; это выраженіе я предпочитаю перевести словами «примиреніе съ Барылāх-омъ»), когда дѣйствительно въ жертву приносится скотина. Этотъ обрядъ я опишу ниже и приведу соотвѣтствующее заклинаніе. Къ этому обряду, думаю, слѣдуетъ пріурочить и приводимое ниже сообщеніе о «куклѣ[1] Баяная».

«b) *Кукла Баяная.*

«Изъ дерева дѣлаютъ куклу — безъ рукъ, безъ ногъ, съ головой только. Лицо, носъ, ротъ—все ровно какъ у человѣка дѣлаютъ. Потомъ дѣлаютъ изъ сѣрой (прим. 74: т. е. лѣтней окраски) зайчины доху для этого Баяная. Затѣмъ призываютъ Баяная. Призываетъ шаманъ или знахарь (ічāн),— есть такіе люди—не шаманы, а славословящіе (алгыр) люди.

«Потомъ куклу кладутъ на балку. Кладутъ въ маленькій кузовокъ, въ которомъ намощено лоскутьевъ худенькой зайчины или тряпокъ (прим. 75: русск. слово въ текстѣ).

«c) *Гимнъ Баянаю по добычѣ лося.*

«Бāі Баjанаі! Бāі барылāх, баттах саҕынjнjах, кустук куралаі, ку-

---

Текстъ.

Бāі хара тыа іччітӓ буолбут Бāі Барылāх ӑсӑм,

бӑттӑх кӧрӧн мічіс гын,
антах кӧрӧн кӱ̄лӱ̄м гын!
Кураҕаччы Сӱ̄рӱ̆к,
Куралаі Бӑргӑн,

---

[1] Сообщенія Н. К. Жиркова были написаны на якутскомъ языкѣ и переведены С. В. Ястремскимъ. Къ сожалѣнію, послѣдній не далъ якутскаго текста, и только на основаніи текста «гимна» можно заключить, что словомъ «кукла» переведено слово хаігыа.

лаҕаччы[1] сӯlӯгäс, оноҕос бäргäн, äргäнä хара тыа іччітä, тоҕус тумулаттар іччіläрä, асāн сіäн туруӊ!

«Хāннāх хаігыаны хāннāтым, — аӊāр іӊӊін хāннӹбын, аныгытыгар аӊāрын хāнныам. Џорҕоно сотолōҕунан тосхоі, äргäнä хара тыа ыллыккын ас!

«һух! һух! һух!

«Богатый Баянай! Всячески богатый, головныхъ шкуръ доха, быстрая стрѣла, проворная булава, мѣткая стрѣла, крупнаго темнаго лѣса духъ, девяти мысовъ духъ, ѣшьте, кушайте!

«Кровавую затесину (прим. 76: грубое изображеніе рожи Баяная) я кровью мажу. Одну скулу твою я мажу кровью, ужо и другую помажу. Пригони быстроногихъ. По крупному темному лѣсу путь твой открой!

«Ухъ! ухъ! ухъ!»

«d) *Добыча лисицы*[2].

«Бāі Бајанаі, асā!

«Бāі барылāх, баттах саҕынјвјах, тоҕус тумулаттар іччіläрä, äргäнä хара тыа іччітä, хара сасӹл[3] хардӹлāх, кäрäмäс сасӹл[3] кäнтіктāх! хара тыа ыллыккын ас!

«Богатый Баянай, кушай!

«Ты всѣмъ богатый, головныхъ шкуръ доха, девяти мысовъ духъ, крупнаго темнаго лѣса духъ! У тебя что ни шагъ, то чернобурая лисица, что ни намѣрка, то сиводушка! Путь твой по темному лѣсу открой!» (стр. 33—35).

Приведу теперь то, что собрано у меня.

Отправившись на охоту, на первой же ночевкѣ разводятъ огонь, льютъ въ него масло и произносятъ заклинаніе[4]:

Переводъ.

Ставшій духомъ-хозяиномъ богатаго темнаго лѣса дѣдушка мой
Бāі Барылāх,
взглянувши сюда, улыбнись,
взглянувши туда, усмѣхнись!
Кураҕаччы Сӯрук,
Куралаі Бäргäн,

---

[1] кураҕаччы?
[2] «Славославитъ же убившій лисицу, а отнюдь не кто другой» (стр. 34).
[3] Слѣдуетъ: сасыл.
[4] Это заклинаніе передано мнѣ Г. Ф. Осмоловскимъ, участникомъ Якутской экспедиціи, снаряженной на средства И. М. Сибирякова, провѣрено и переведено мною.

Туојут[1] Äркін,
Туос Кäсäх,
Алып Хандаҕан[2],
Сырāнда Сӯрӯк,
Нäк Бäргäсä,
Баттах Сарын,
кыа-хāн сöгöлōннōх
Бāі Бајанаі äсäм,
Ахтāх арыннан āл утунан аjахтāн äрäбін....
Уhу-уhу-уhу.... амсырдāн кöр äрä!
Догдōн хара тыа доідулāх,
Сіс хара тыа сірдāх
Тыі хара аттāх Цылык Кыс, кӯлӯм аллаі äрä!—
Ахтāх арынан амсырдатан äрäбін...
Уhу-уhу-уhу.... (кӯлäр).
Ӱрдӯк сураххыт тусугар,
āт міңäҕіт іннігäр
«балым-салым бäрӣгіт бäргіäрäі» діäммін.
Кыңāргыт басыттан кытараңңыт,
ӱрäххіт басыттан ӱрāңңіт,
Цорҕоно сотолōхто тоңӯбар торутуң!
Äргäнä бäjäлāхтä äліäбäр äргітің!
Ӱрӯң хара кылāннāххытына ӱрäх-ӱрäх басыттан ӱрäн-тӱрӱјäн кулуң äрä!
Уhу-уhу-уhу..... (кӯлäр).
Ӱллäр ӱрӯјäлін, тыллар тырāттын äбäлäрім іччіläрä, бука барыгыт кäлäн асāң!
От-мас іччітä — бука барыгыт кäлäн асāң!
Уоп-чуоп барыгыт маппакка кäлäн асāң!

Одӯлӯ, орусуја кöрöр буолāјаҕытыі!
Уhу-уhу-уhу.... (кӯлäр).

---

[1] Въ рукописи: Тäјіт.
[2] Послѣ этихъ словъ въ рукописи: Кӯрӯö кäрäмäс Бырца Бытык.

Туојут Ӓркін,
Туос Кӓсӓх,
Алып Хандаҕан,
Сырāнда Сӯрӱк,
Нӓк Бӓргӓсӓ,
Баттах Сарын,
кыа-хāн сöгöІōннōх (съ кровавымъ пиромъ?)
Бāі Бајанаі, мой дѣдъ,
масломъ изъ запаса[1] чрезъ посредство огня угощаю...
Ха-ха ха-ха... покушай-ка!
Имѣющая своей землей крупнодеревый высокостоящій лѣсъ,
нагорный темный лѣсъ — своей областью,
съ чернымъ конемъ-стригунцомъ Џылык Кы̄с, улыбнись!
Масломъ изъ запаса угощаю...
Ха-ха ха-ха... (смѣется).
Ради высокой вашей славы,
Ради славной вашей важности,
«ваши богатые дары, пожалуй, умножатся» говоря.
Съ дальнихъ верховьевъ соединяя,
съ рѣчныхъ верховьевъ пригоняя,
длинноголенныхъ въ моей засѣкѣ остановите!
Изъ разношерстныхъ къ моей засѣкѣ поворотите!
Изъ вашихъ, имѣющихъ бѣлую и черную ость, съ верховьевъ всѣхъ рѣчекъ пригоните!
Ха-ха ха-ха ха-ха.... (смѣется).
Духи-хозяева всѣхъ моихъ урочищъ—наполняющихся ручьевъ, вздувающихся рѣчекъ также—всѣ вы приходите, кушайте!
Духи-хозяева растительности, вы всѣ приходите, кушайте!
Сколько хватитъ всѣмъ, чтобы никто не былъ въ обидѣ, придите и ѣшьте!
Какъ бы вы не остались недовольными!
Ха-ха ха-ха ха-ха.... (смѣется).

---

[1] Ахтāх ары̄ (по «Словарю» Э. К. Пекарскаго—прогорьклое тухлое масло). Выраженіе это показываетъ, что масло взято изъ запаса, а въ запасъ приготовленное масло лучше приготовленнаго для немедленнаго употребленія: оно сильнѣе промыто и лучше отжато. Это—самое лучшее масло, хотя и имѣетъ нѣкоторый привкусъ. Угощеніе такимъ масломъ — признакъ уваженія, почтенія къ тому, кого угощаютъ.

Вотъ еще два заклинанія.

Текстъ.

Бāі хара тыа іччітӓ,
балым-салым бäрī,
баідам тутулу,
Баттах Сарын,
барылы[1] кäскіl
Бāі Барылāх оӡонјор!
Оідом хара тыа саӡа кöп сöгölō̈нӯӈ туругурда,
äргäнä хара тыаӡа тīјä кäтіт сäксäӈ тардылынна.
Ајы̄ араӡас ilгäтінäн аіхаллы̄ кīрдім,—
бäттäх кöрöн мічік аллаі,
антах кöрöн кӯlӯм алларастā!

Когда охотнику, отправившемуся ставить самострѣлы на сохатаго, часть пищи и произноситъ слѣдующее заклинаніе[2]:

Текстъ.

Хара тыа іччітä, кäl äрä бäттäх!
Бāі хара тыа іччітä Бāі Барылāх,
Баттах Сарын,
барылы[1] кäскіl,
Кураӡаччы Сӯрук,
Куралаі Бäргäн,
Алып Хандаӡан,
Кӯöччӯт Кöкō̈нöі,
Іӈīр Äрбäх,
Кӯlӯк хара аттāх,—асāӈ!
Быјыл кöп сöгölō̈ӈӈöр олот äрä!
Тоӈӯбар торут!
Äліäбäр äргіт!
Тäӈнāх сāтäтä, холōннōх хосута гыныма!

Списокъ Бајанаі-евъ изъ заклинанія при обрядѣ «Барылāх тардар» (см. ниже):

1. Бāі Барылāх
2. Куралаі Бäргäн

---

[1] Нѣкоторые говорятъ бāрылы.

[2] Записано моимъ ученикомъ Н. С. Слѣпцовымъ, передано мнѣ Г. Ф. Осмоловскимъ (см. выше), провѣрено и переведено мною.

Переводъ.

Духъ-хозяинъ богатаго темнаго лѣса,
обильная дача,
роскошное имущество,
Баттах Сарын,
съ важнымъ предназначеніемъ
Бāі Барылāх старикъ!
Съ темный лѣсъ-колокъ величиною пышный пиръ приготовленъ;
стройнаго лѣса достигая, широкáя постилка постлана[1].
Чистой желтой пищей звать-заклинать я пришелъ,—
взглянувши сюда, улыбнись,
взглянувши туда, залейся смѣхомъ!

приходится на первой же ночевкѣ разводить огонь, онъ бросаетъ въ него

Переводъ.

Духъ-хозяинъ темнаго лѣса, приблизься!
Духъ-хозяинъ богатаго темнаго лѣса Бāі Барылāх,
Баттах Сарын,
съ важнымъ предназначеніемъ,
Курађаччы Сӯрӯк,
Куралаі Бäргäн,
Алып Хандађан,
Стряпающій Кӧкӧ̄нӧі,
Іӊі̄р Äрбäх,
Съ лошадью, какъ тѣнь,—ѣшьте!
Въ нынѣшнемъ году за твой роскошный столъ посади!
Въ моей засѣкѣ останови!
Къ моей засѣкѣ повороти!
Передъ такими, какъ я, не осрами меня!

---

3. Алып Сäгäjāн
4. Џылыс Кы̄с
5. Балтысаххāн ођонjор
6. Бāі Баjанаі.

---

[1] Сдѣланная изъ вѣтокъ подстилка, на которой разставлялось угощеніе. Здѣсь вмѣсто этого послѣдняго.

Списокъ Бајанаі-евъ изъ призыванія С. А. Новгородова (см. ниже):

1. Баідам тутӯ (Щедрая Держава),
Барыла-кäскіl (Многообразный Жребій)—
Ба̄і-Барыла̄х (Богатый Барыла̄х).
2. Туоңха̄ны-Бо̄тур (Богатырь Туоңха̄ны).
3. Äрігір-Харах-Äрбäс-Бо̄тур (Глазъ съ большими бѣлками — Богатырь Äрбäс).
4. Сіңкäн-Äрілік (Преважный, съ круглыми глазами, не отпускающій съ пустыми руками).
5. Кураҕаччы-Сӯрук (Бѣгунецъ-Кураҕаччы).
6. Тыңкыраі-Бо̄тур (Богатырь Тыңкыраі).
7. Одунча-Бо̄тур (Богатырь Одунча).
8. Хабңы-Бо̄тур (Господинъ Хабңы).

Привожу еще имѣющійся у меня списокъ [1] *домочадцевъ* Ба̄і Бајанаі-я (Бајанаі тојон кäргäттäрä):

Кураҕаччы Сӯрӯк — буллу ӯрäн аҕала̄ччы (дичь загоняющій).

Куралаі Бäргäн—таптарар Бајанаі (заставляющій попадать Бајанаі).

Сајып Са̄гäјäн—älбäрäгі äса̄ччі (спускающій сторожокъ).

На̄с [2] Балтысах оҕонјор — ча̄ркан Бајанаја (балтысах — поперечина въ капканѣ, придавливающая звѣрка къ рамкѣ. Бајанаі деревяннаго капкана). Это—самый маленькій, самый слабый изъ нихъ, такъ какъ въ ча̄рка̄н (капканъ) попадаетъ только мелочь.

Тыа кы̄са Цылыс Кы̄с (Лѣсная дѣвушка Цылыс Кы̄с).

Туорчут (или Туојут, Туоі̄јут, Туорңут) äркін [3], тӯöрӯм тöбö (круглоголовая), тöгӯрӯк тällа̄х (круглый подолъ [4]). Это — женщина. Ей бросаютъ въ огонь пищу, чтобы огонь (на мѣстѣ промысла) не погасъ. Какъ и у самихъ якутовъ, обязанность поддерживать огонь лежитъ здѣсь на женщинахъ.

Сравнивая прежде всего упоминаемыя въ приведенныхъ записяхъ имена, мы встрѣчаемъ Долбун (ошибочно вмѣсто Добун) сокхор (В. Л. Приклонскій) и Дабы [?] соххор (С. В. Ястремскій); повидимому, это—одно и то же лицо, но у С. В. Ястремскаго это — просто одинъ изъ девяти Баянаевъ, а у В. Л. Приклонскаго — препятствуетъ охотѣ и промысламъ. У В. Ф. Трощанскаго встрѣчаемъ Добун соххор (по А. Ѳ. Слѣпцову, показаніями котораго пользовался и В. Л. Приклонскій). Въ

---

[1] Этотъ списокъ сообщенъ мнѣ Э. К. Пекарскимъ. Функціи домочадцевъ записаны мною при разспросахъ въ цѣляхъ провѣрки.

[2] При провѣркѣ этого мѣста мнѣ не удалось установить значенія этого слова; отрицалось даже его существованіе. Для замѣны его мнѣ ничего не могли дать.

[3] Крѣпкій, какъ стѣна? Крѣпкая защита?

[4] «Тällаҕа̄ тöгӯрӯјäн халла», говорятъ о человѣкѣ, когда онъ быстро исчезъ. Когда быстро вертится женщина, цѣльный подолъ ея одежды развѣвается въ видѣ круга.

Ботурусскомъ улусѣ былъ бѣлый шаманъ (ајы̄ ојӯна) по имени Добун; онъ былъ кривой (соххор). Какъ бѣлый шаманъ, вредить промыслу онъ не могъ, но такое совпаденіе невольно вызываетъ сомнѣнія. Далѣе встрѣчаемъ у В. Л. Приклонскаго Соссан эркин (у А. Слѣпцова, котораго онъ повторяетъ, Сожан эркинъ), у В. Ф. Трощанскаго[1] Суоцан (Суојун) äркін, въ моей записи Туојут äркін. Ключъ къ этимъ выраженіямъ, кажется, потерянъ, такъ какъ я не могъ добиться точнаго объясненія. Äркін значитъ стѣна, но, быть можетъ, это—собственное имя. Суојун (Суоіцун) äркін заключаетъ въ себѣ представленіе о знаніи дорогъ, а Туојут äркін—о крѣпости (туоі — горшечная глина; «туојунан äркіннäмміт курдук», крѣпокъ, какъ стѣна—поясняли якуты). Въ послѣднемъ выраженіи якуты видятъ одинъ изъ эпитетовъ духа-хозяина лѣса. Есть духи, мѣшающіе промыслу, и ихъ призываютъ въ заклинаніяхъ, но они къ духу-хозяину лѣса никакого отношенія не имѣютъ. Это—сыновья и дочери Босол-а (Мосол-а), живущіе на северо-востокѣ, на краю средняго міра (орто доіду кірбiтiгäр), т. е. обитаемой людьми земли (см. далѣе «Барылäх тардар»).

Разсмотримъ нѣкоторыхъ другихъ «Баянаевъ». Кураҕаччы Сӯрӯк встрѣчается во всѣхъ приведенныхъ спискахъ, но въ гимнѣ С. В. Ястремскаго онъ является въ формѣ Кулаҕаччы сӯлӯгäс, а въ моемъ послѣднемъ заклинаніи это выраженіе является уже именемъ или эпитетомъ коня, на которомъ ѣздитъ Куралаі Бäргäн, если считать послѣдняго отдѣльнымъ духомъ. Сӯрӯк—скакунъ. Кураҕаччы—одинъ видъ кулика (сукалень), причемъ обращается вниманіе на его цвѣтъ (сѣрый) и стройность. Кураҕаччы Сӯрӯк, стройный скакунъ, можетъ служить скорѣе эпитетомъ коня, чѣмъ духа, тѣмъ болѣе что и въ приводимыхъ ниже заклинаніяхъ и въ сказкахъ и пѣсняхъ сӯрӯк употребляется въ смыслѣ «животное» (дикое и домашнее).

Баттах Сарын (въ моихъ записяхъ) у С. В. Ястремскаго является въ формѣ Баттах саҕынјах. Первое выраженіе якуты объясняютъ различно. Одни, исходя изъ того, что баттах означаетъ клюку, посохъ, говорятъ, что баттах сарын (сарын—плечо) означаетъ широкоплечій. Другіе утверждаютъ, что Бајанаі носитъ накидку (принадлежность костюма промышленника, защищающая его отъ снѣга и хвои, сыплющихся съ мелкихъ деревьевъ, когда онъ пробирается сквозь чащу), называемую якутами нälбі и сшитую изъ шкуры, снятой съ головы (самая крѣпкая шерсть). Послѣднее объясненіе, кажется, вѣрнѣе, если принять во вниманіе, что у С. В. Ястремскаго баттах саҕынјах—кафтанъ, сшитый изъ такихъ шкуръ. И это выраженіе, какъ его ни толковать, скорѣе служитъ эпитетомъ, чѣмъ собственнымъ именемъ. Барылы Кäскіl, фигурирующее въ двухъ моихъ заклинаніяхъ въ качествѣ собственнаго имени, въ призываніи С. А. Новго-

[1] Повторяетъ за А. Ѳ. Слѣпцовымъ.

родова и въ заклинаніи при обрядѣ «примиренія» является эпитетомъ Бāі Барылāх-а. Другой эпитетъ его въ этомъ же послѣднемъ заклинаніи— баідам тутӯ—является, хотя и въ измѣненной формѣ (Баідам Тутулу), уже собственнымъ именемъ въ одномъ изъ моихъ заклинаній.

Особенный интересъ представляетъ заклинаніе, употребляемое при обрядѣ «Барылāх тардар» (см. ниже). Пять духовъ-хозяевъ, называемыхъ въ этомъ заклинаніи, имѣютъ въ своемъ владѣніи какъ бы опредѣленныя угодья, но когда заклинающій обращается къ Бāі Бајанаі-ю, то оказывается, что эти угодья принадлежатъ ему. Сравните ст. 2 и 4 (Бāі хара тыа іччітӓ буолбут.... Бāі Барылāх) со ст. 56 (Бāі хара тыа іччітӓ буолбут Бāі Бајанаі); ст. 6 и 7 (Куруҥ хара тыа іччітӓ буолбут.... Куралаі Бӓргӓн) со ст. 29 и 56 (Куруҥ хара тыа хонӯлāх.... Бāі Бајанаі); ст. 9 и 12 (Ӓргӓнӓ[1] хара тыа іччітӓ буолбут Алып Сӓгӓјӓн) со ст. 39 и 56 (Ӓргӓнӓ хара тыа џіӓlӓх.... Бāі Бајанаі); ст. 14 и 15 (Тумул хара тыам іччітӓ буолбут.... Џылыс Кы̄с) со ст. 34 и 56 (Тумул хара тыа тусасалāх.... Бāі Бајанаі).

Остается Бајанаі капкана (чāхāн Бајанаја) Балтысаххāн оџонјор[2]. Балтысах — поперечина, придавливающая звѣрка къ рамкѣ капкана. Балтысаххāн — или ласкательное отъ балтысах, или составленное изъ балтысах и хāн, почетный, важный. Имя Балтысаххāн оџонјор является какъ бы нарочно сочиненнымъ. Кромѣ того, это имя устанавливаетъ новый принципъ въ распредѣленіи Бајанаі-евъ — по орудіямъ, тогда какъ выше они распредѣлялись по угодьямъ.

Въ призываніи С. А. Новгородова мы имѣемъ Тыҥкыраі Бо̄тур. Тыҥкыраі — тоненькая палочка въ капканѣ, прикосновеніе къ которой освобождаетъ сторожокъ. Бо̄тур — богатырь.

У меня въ записяхъ есть еще Бајанаі горностая (Кырынāс Бајанаја) и Бајанаі кабарги (Дāдаџас Бајанаја[3]).

Это будетъ уже третій принципъ распредѣленія Бајанаі-евъ — по звѣрямъ. Если мы примемъ во вниманіе упадокъ шаманства, развитіе шарлатанства и выступленіе сказочниковъ въ роли заклинателей, то намъ станутъ понятны и эта пестрота и этотъ произволъ въ построеніяхъ.

Я не буду разбирать всѣ имена, перечисленныя выше, такъ какъ это

---

[1] Ӓргӓнӓ хара тыа іччітӓ у Ястремскаго отдѣльный Баянай, но безъ собственнаго имени.

[2] Въ приведенномъ выше спискѣ домочадцевъ это имя является въ формѣ Нāс Балтысах оџонјор.

[3] Этотъ Бајанаі — самый хвастливый изъ всѣхъ. Дверь (почти квадратная, съ высокимъ порогомъ) якутской юрты настолько велика, что черезъ нее проходитъ самый крупный быкъ. Когда же приходится вносить въ юрту убитую кабаргу, то дѣлаютъ видъ, что рубятъ косяки двери, чтобы расширить ее, и тѣмъ показываютъ, какъ велика добыча. Это обязательно нужно продѣлать, чтобы Бајанаі не оскорбился.

превратилось бы въ разработку матеріаловъ для словаря, что не входитъ въ мою задачу. Для меня достаточно въ данномъ случаѣ только возбудить сомнѣніе; для рѣшенія вопроса я приведу другія соображенія, разсмотрѣвъ предварительно еще одинъ вопросъ.

Всѣ упомянутые выше авторы по отношенію къ духу-хозяину лѣса употребляютъ форму множественнаго числа («Баянаи»); форма множественнаго числа (Бајанаідар) употребляется и якутами, но это обстоятельство не даетъ права принять это имя за нарицательное. Если задать якуту вопросъ, какъ называется духъ-хозяинъ лѣса (тыа іччітā), онъ никогда не спроситъ, о *какомъ* лѣсѣ идетъ рѣчь, а прямо отвѣтитъ или просто Бāі Бајанаі, или Бāі Бајанаі Бāі Барылāх. Въ заклинаніи при описанномъ ниже обрядѣ примиренія съ духомъ-хозяиномъ лѣса на ряду съ другими именами какъ бы частныхъ духовъ-хозяевъ встрѣчаемъ и Барылāх, что какъ бы даетъ право признать и его однимъ изъ частныхъ духовъ-хозяевъ. И заклинаніе это начинается обращеніемъ къ Барылāх-у и кончается обращеніемъ къ Бајанаі-ю. Указанныя противорѣчія неизбѣжны, разъ будетъ признано существованіе нѣсколькихъ отдѣльныхъ духовъ-хозяевъ лѣса.

Перейду теперь къ соображеніямъ, основаннымъ на анализѣ языка заклинаній.

Въ заклинаніяхъ, съ которыми обращаются къ духу-хозяину лѣса, ему предлагаютъ поѣсть то, что бросаютъ въ огонь, и просятъ у него помощи. Какая же форма глагола употребляется въ данномъ случаѣ—единственное число или множественное? Далѣе, заклинающій говоритъ отъ имени духа-хозяина лѣса. Какія формы глаголовъ, какіе суффиксы онъ употребляетъ?

Въ «призываніи» С. В. Ястремскаго имѣются кылāннāхпын, ӯрӯјāбіттāн, аҕалāјабын и т. д., т. е. *моихъ* звѣрей, изъ *моихъ* рѣчекъ, пожалуй *я пригоню* и т. д. (отъ имени Бајанаі-я), а не *нашихъ*, не *мы* пригонимъ. И всѣ формы таковы. Въ «гимнѣ» С. В. Ястремскаго мы имѣемъ «асāн сіāп туруҥ»—ѣшьте, но здѣсь призываются еще *духи-хозяева* девяти бугровъ. Далѣе же охотникъ говоритъ: аҥāр іҥніі хāппыбын—одну скулу *твою* мажу кровью; тосхоі, ас—*ты встрѣть* (С. В. Ястремскій: «*пригони*»), *ты открой*.

Жертва приносится черезъ посредство огня, и заклинающій обязательно долженъ обратиться и къ духу-хозяину огня и пригласить его принять участіе въ трапезѣ; часто съ тѣмъ же обращаются и къ духу-хозяину земли или урочища. Поэтому заклинающій и говоритъ «ѣшьте». Эту форму мы встрѣчаемъ и въ другихъ заклинаніяхъ по тѣмъ же самымъ основаніямъ, и она не рѣшаетъ вопроса. Просьба же о помощи здѣсь обращена къ *одному* лицу, какъ отъ *одного* лица идетъ и обѣщаніе.

Въ первомъ моемъ заклинаніи послѣ перечисленія этихъ какъ бы отдѣльныхъ именъ стоитъ «амсырдāн кӧр äрä!»—*ты* поѣшь.

Дальше заклинающій употребляетъ суффиксы множественнаго числа. Мы имѣемъ: «сураххыт, міӊӓдіт, бӓрі̄гіт — *ваша* слава, *ваша* важность, *ваше* даяніе и т. д.; кытараӊӊыт, ӱрӓӊӊіт торутуӊ и т. д. — *вы* соедините, пригоните, остановите, но онъ призываетъ и Цылык кы̄с, а дальше духовъ-хозяевъ *всѣхъ своихъ урочищъ* и духовъ-хозяевъ *растительности.*

Духи-хозяева урочищъ и растительности относятся уже къ одной категоріи съ духомъ-хозяиномъ земли, и здѣсь произошло смѣшеніе функцій: просьба обращена и къ нимъ.

Во второмъ моемъ заклинаніи опять послѣ перечисленія отдѣльныхъ именъ имѣемъ сӧгӧлӧнӱӊ, сӓксӓӊ — *твоя* постилка и мічік аллаі, кӱлӱм аллараста̄, и т. п. — *ты* улыбнись, *ты* залейся смѣхомъ, и т. п.

Въ третьемъ моемъ заклинаніи опять (послѣ именъ) аса̄ӊ — *вы* ѣшьте и сӧгӧлӧӊӊӧр олот ӓрӓ — *ты* за *твой* пиръ посади, торут, ӓргіт, сӓтӓ-хосу гыныма — *ты* останови, *ты* загони, *ты* не осрами.

Обращаясь къ приведенному выше «списку домочадцевъ», я считаю нужнымъ подчеркнуть, что въ записи стоитъ якутское слово кӓргӓн. Въ якутскомъ языкѣ есть слово ыал, означающее жилье, при чемъ существеннымъ его признакомъ будетъ огонь (собственно буруо—дымъ). Если въ юртѣ живутъ двѣ самостоятельныхъ семьи, то глава одной изъ нихъ будетъ называться дјука̄кы (соквартирантъ). Слово же кӓргӓн обозначаетъ домочадца, т. е. лицо зависимое.

При изученіи шаманскихъ заклинаній, обращаетъ на себя вниманіе стремленіе шамановъ надѣлять каждаго духа женою, сыномъ и дочерью, при чемъ каждому изъ нихъ даются имена. Но разъ это—домочадецъ (кӓргӓн), то, по якутскимъ понятіямъ, онъ можетъ только исполнять волю главы семьи. Проявленіе воли духа-хозяина лѣса распадается на рядъ отдѣльныхъ дѣйствій, и вотъ утратившій ясныя представленія заклинатель начинаетъ обращать различные эпитеты этого духа то въ самостоятельныхъ духовъ, то въ домочадцевъ—исполнителей его воли. Скажутъ, что было бы вѣрнѣе допустить, что первоначальные духи-хозяева отдѣльныхъ звѣрей, отдѣльныхъ снарядовъ мало-по-малу стали сливаться въ одинъ общій образъ духа-хозяина лѣса, каковой процессъ былъ прерванъ и спутанъ введеніемъ христіанства. Это, м. б., и было бы правильнѣе, если бы были основанія признать духа-хозяина лѣса исконнымъ достояніемъ якутовъ, а не заимствованіемъ. Но этихъ основаній нѣтъ.

Я уже говорилъ выше, что, пользуясь благосклонностью духа-хозяина, всякій обязанъ соблюдать извѣстныя правила, нарушеніе которыхъ влечетъ за собою немилость и наказаніе въ той или другой формѣ. При нарушеніи этихъ правилъ по отношенію къ духу-хозяину лѣса[1] промышленникъ

[1] Напр., шкуру медвѣдя, сохатаго, лисицы, хорька, горностая нельзя продавать или отдавать кому-либо невысушенной. Тѣмъ болѣе нельзя отдавать или продавать съ мя-

ничего не добудетъ, его будутъ преслѣдовать неудачи[1]. Къ разсмотрѣнію этихъ правилъ я и перейду.

Когда промышленникъ приноситъ попавшую подъ самострѣлъ лисицу, онъ, не входя въ домъ, стучитъ въ дверь и говоритъ: «Бāі Бајанаі біäрдä»— «Бāі Бајанаі далъ». Домашніе знаютъ, что это значитъ, и тотчасъ же бросаютъ въ огонь масла или другой пищи и выносятъ на дворъ шапку[2]. Эту шапку промышленникъ надѣваетъ на голову лисицѣ и, прикрывъ послѣднюю полой одежды, вноситъ ее въ домъ такъ, *чтобы не показать ее огню*, кладетъ ее тамъ на свой орон (лавка) къ стѣнѣ и забрасываетъ чѣмъ попало (подушкой, одеждой и т. п.).

Лисица эта ночуетъ въ домѣ и на другой день выносится съ такими же предосторожностями въ амбаръ. Если ее приходится показать кому-нибудь, то дѣлаютъ это съ тѣми же предосторожностями. С. В. Ястремскій сообщаетъ, что лисицу держатъ передъ огнемъ, но я этого нигдѣ не слыхалъ, и это противорѣчитъ тому, что онъ говоритъ о первомъ появленіи лисицы. Ясно, что пища дается огню, чтобы задобрить его на всякій случай, а, м. б., и для того, чтобы отвлечь его вниманіе. Шапка надѣвается для того, чтобы обмануть духа-хозяина огня, — лисицу онъ приметъ за кого-нибудь изъ домочадцевъ. Промыселъ и добыча промысла являются, такимъ образомъ, враждебными духу-хозяину огня, или, пожалуй, вѣрнѣе, этотъ духъ враждебенъ промыслу[3]. Сниманіе шкуры съ лисицы производится сбоку и нѣсколько сзади чувала, на земляномъ полу (куда прямой свѣтъ огня не достигаетъ), даже въ томъ случаѣ, если это дѣлаетъ самъ хозяинъ. Ни одинъ клочокъ шерсти не долженъ попасть въ огонь.

Не менѣе строги правила по отношенію къ сохатому, павшему отъ стрѣлы аја (самострѣла). Голову домашней скотины якуты палятъ на огнѣ чувала, мясо, какъ только убьютъ скотину, жарятъ на угольяхъ (ӯтäн сіллäр), бросаютъ тонкими ломтями на стѣнку чувала, гдѣ оно прилипаетъ

сомъ. Шкуру лисицы надо предварительно даже вымять. Запрещенія распространяются не только на дѣйствія, но и на рѣчь. При обработкѣ нельзя, напр., говорить сӯлäр (снимаетъ шкуру); слѣдуетъ сказать (харыстāн, оберегаючи) сы̄лларар (спускаетъ) или таҥасты̄р (приготовляетъ одежду или матеріалъ для одежды). Это послѣднее слово употребляется и вмѣсто імітäр (выминаетъ).

[1] Бајанаі хаҥырајар, т. е. Бајанаі, разгнѣвавшись, прекращаетъ промыселъ. Говорятъ въ такихъ случаяхъ и Бајанаі ханнар (прекращается) и булт (промыселъ, добыча) ханнар.

[2] С. В. Ястремскій (цитир. соч.), стр. 34: «суконную шапку». Я слышалъ о соблюденіи этого обычая въ такомъ глухомъ углу, гдѣ въ мое время суконныхъ шапокъ и въ поминѣ не было.

[3] Въ приводимомъ ниже заклинаніи при обрядѣ примиренія съ духомъ-хозяиномъ лѣса я опускаю обращеніе къ духамъ-хозяевамъ огня, жилища, четырехъ его основныхъ столбовъ и хотона (хлѣва) съ загономъ. Въ этомъ обращеніи заклинающій выражаетъ опасеніе, что эти духи-хозяева будутъ смущены происходящимъ и *накажутъ* за это.

и поджаривается (сысыаран сiллäр). Ничего подобнаго по отношенію къ мясу сохатаго, упромышленнаго при помощи самострѣла, не допускается. Мясо его можно варить въ горшкѣ, но непосредственное соприкосновеніе съ огнемъ недопустимо. Такъ же строго нужно смотрѣть за тѣмъ, чтобы его шерсть или обрѣзокъ шкуры не попали въ огонь. Такого рода требованія простираются до того, что запрещается проходить съ зажженной лучиной (у якутовъ замѣняетъ свѣчу или фонарь) *подъ* шкуркой зайца, повѣшенной для просушки.

Духи-хозяева огня, юрты, участка — духи родовые и, какъ таковые, враждебны невѣсткѣ (кiјiт), какъ чужеродкѣ. Духъ-хозяинъ лѣса, вообще говоря, враждебенъ только молодой, «нечистой» женщинѣ. Старая женщина, не имѣющая уже менструацій, безразлична для него.

Молодая женщина не можетъ ѣсть нѣкоторыхъ наиболѣе важныхъ частей добытаго животнаго — сердца, печени, верхней губы съ ноздрями, ушей, — не можетъ наступать на шерсть и кости сохатаго (это запрещеніе относится и къ мужу беременной женщины); она не можетъ трогать ничего сырого, даже лисью шкуру можетъ мять (выдѣлывать) только послѣ того, какъ ее высушатъ. Когда свѣжуютъ сохатаго, костей не рубятъ, а расчленяютъ тушу по суставамъ; потомъ, когда срѣжутъ мясо съ трубчатыхъ костей, ихъ раскалываютъ, чтобы достать костный мозгъ, но это дѣлаетъ всегда мужчина. Кости сохатаго выносятъ въ лѣсъ, гдѣ бы ихъ не могли топтать. Когда съ лисицы снимутъ шкуру, тушу завертываютъ въ сѣно и закапываютъ въ землю или выносятъ на высокое мѣсто и тамъ защемляютъ между деревьями (сiскä тасāран маска хатарђанпыллар). Мясо сохатаго обыкновенно не продаютъ[1] и дѣлятся имъ только съ тѣми, кто будетъ такъ же остороженъ съ костями.

И при объясненіяхъ всѣхъ этихъ правилъ прежде всего указывали на возможность оскверненія со стороны молодой женщины.

Старая женщина, не имѣющая уже менструацій, является какъ бы мертвой для рода, а потому «чистой» для Бāi Бајанаi-я. Духовъ-хозяевъ огня, юрты кормитъ хозяйка, хотя бы и молодая; она же можетъ бросить пищу въ огонь и тогда, когда мужъ принесъ лисицу. Но когда по этому поводу устраивается пиръ (малāсын; варится саламāт или голова коровы), она уже не можетъ кормить огонь, такъ какъ одновременно съ этимъ кормится и духъ-хозяинъ лѣса: на огонь кладутъ, отгребая для этого угли, три порціи — одну для духа-хозяина огня (передъ самымъ огнемъ), другую съ лѣвой стороны огня (хаңас чанчыгар) для духа-хозяина земли и третью съ правой стороны (уңуо чанчыгар) для духа-хозяина лѣса. Это запрещеніе,

---

[1] Осталась поговорка: Барылāх не запрещаетъ ѣсть [доставая прямо изъ котла, когда онъ на огнѣ] тому, кто стряпаетъ (кӱöччӱт ајађын Барылāх буоiбат).

какъ показываетъ весь строй обряда «посѣщенія духа-хозяина земли»[1] (Доіду іччітігāр кірāр), не имѣетъ никакого отношенія къ этому послѣднему. Когда кормятъ духа-хозяина лѣса, призываютъ и духа-хозяина огня, но это объясняется тѣмъ, что кормленіе производится чрезъ посредство огня. На этомъ и кончаются ихъ отношенія. Духъ-хозяинъ лѣса чуждъ роду, чуждъ родовому духу (хозяину огня), а потому его приходится признать заимствованнымъ.

Гдѣ бы и какъ бы ни жили якуты въ доисторическія времена, имъ, конечно, приходилось вести войны, и у нихъ должны были быть лукъ (сā) и стрѣлы (ох). И вотъ сохатый, убитый изъ лука или ружья (*тоже* сā), является уже изъятымъ изъ этихъ правилъ. По отношенію къ бѣлкѣ (тīӈ), которую прежде промышляли лукомъ (сā), а теперь ружьемъ (сā), тоже не соблюдается никакихъ правилъ.

Обрядъ примиренія съ духомъ-хозяиномъ лѣса. — Барылāх тардар[2].

Неудачный промыселъ или полное прекращеніе его указываютъ на гнѣвъ духа-хозяина лѣса, оскорбленнаго нарушеніемъ тѣхъ или другихъ правилъ. Нужно принести ему жертву и при помощи бѣлаго шамана задобрить его. Приготовляютъ изображеніе (хоігуо) Барылāх-а, грубо вытесанное изъ дерева (аршина полтора), и мажутъ его кровью убитой скотины.

Голову этой скотины опаливаютъ на очагѣ (кыјахалыллар), чтобы распространился запахъ. Затѣмъ эту голову варятъ и мясо кладутъ въ большую чашку; въ другую чашку кладутъ саламāт и одну только ложку, обязательно вогнутой стороной вверхъ (олордо); если есть водка, ставятъ одну бутылку и одну налитую рюмку. Нарубаютъ мелкихъ вѣтокъ и постилаютъ[3] ихъ на земляномъ полу юрты; на эту постилку, передъ каминомъ, нѣсколько къ правой сторонѣ юрты, ставятъ столъ, на которомъ разстилается самое зеленое сѣно (первой косы) и располагается все приготовленное угощеніе. На той же постилкѣ, сбоку отъ камина, еще ближе къ правой сторонѣ юрты ставится табуретъ (олох мас), на который кладется подстилка[4] изъ конской шкуры (āс тäллäх), при чемъ концы ея подгибаются (іккі басын бӯк тутан). Между столомъ и табуретомъ ставится изобра-

---

[1] Имѣются указанія на то, что духъ-хозяинъ земли можетъ быть признанъ родовымъ духомъ, такъ какъ враждебенъ невѣсткѣ (кіјīт), какъ и духъ-хозяинъ огня. Духъ-хозяинъ лѣса къ ней, какъ къ чужеродкѣ, безразличенъ и относится къ ней такъ же, какъ и ко всѣмъ молодымъ женщинамъ и взрослымъ дѣвушкамъ.

[2] Буквально: привлеченіе.

[3] Такая постилка изъ мелкихъ вѣтвей (сäксä) очень обычна при дальнихъ путешествіяхъ. На нее кладутъ вьюки, сѣдла, на ней же располагаются путники и раскладывается приготовленная пища. Въ старину, когда якуты не знали столовъ (остуол), эта постилка употреблялась, конечно, и въ юртахъ.

[4] Эта подстилка, часто упоминаемая въ заклинаніяхъ и служащая тюфякомъ, пред-

женіе Барылāх-а[1]. Шаманъ надѣваетъ женскую мѣховую шапку (ӯчӯгäі тӯlāх бäргäсä), женскій кафтанъ, обшитый плисомъ или сукномъ (бӯрӯктāх сон), сапоги съ ремнями (быалāх äтäрбäс), въ лѣвую руку беретъ самострѣлъ со всѣми принадлежностями (аја осхордору, холоруктары, äрбäрāктäрі, бäрīläрі, ырбалары, кырамталары, кäнтіктäрі, кылы̄лары), а въ правую — узкій ремень (тöргӯ), длиною около маховой сажени, и садится на приготовленный табуретъ, покрытый подстилкой. Значенія этого ремня я не могъ выяснить. Якуты говорятъ, что онъ служитъ шаману вмѣсто бубна (дӯңӯрӯн охсорун кäріäтä). Размахивая слегка этимъ ремнемъ, шаманъ начинаетъ заклинаніе (поетъ).

Онъ обращается прежде всего къ духу-хозяину огня, къ духу-хозяину

О-о-о-о-о-о-о-о!
. . . .
Бāі хара тыа іччітä буолбут
баідам тутӯ, барылы кäскіl,
кӯöнä кöгölчöр Бāі Барылāх,
бäттäх кöрöн, кӯlӯмнā äрä!
Куруң хара тыам іччітä буолбут
Кураҕаччы Сӯрӯк аттāх Куралаі Бäргäн,
бäттäх кöрöн, мічāрдā äрä!
Äргäнä хара тыам іччітä буолбут
іс куңңар імäңнāх,
тас куңңар ҵалыннāх
сары̄ таңалаі Алып Сäгäјäн,
бäттäх кöрöн, мічіі äрä!
Тумул хара тыам іччітä буолбут
тыі хāра аттāх Ҵылыс хара Кы̄с,
бäттäх кöрöн, äгäläідā äрä!
Чāхāным Бајанāја буолбут Балтысаххāн оҕонјор,
бäттäх кöрöн, маларыі äрä!
Саты̄ ыарҕа іччіläрä буолбут
тоҕус уон тоҕус ојӯ бічік уолаттар,

ставляетъ собою продолговатый четыреугольникъ, по величинѣ соотвѣтствующій росту человѣка. Дѣлается она изъ шкуры бѣлой кобылы, при чемъ вшивается полоса (шириною въ четверть аршина или немного болѣе) изъ шкуры черной коровы. Полоса эта идетъ кругомъ всей подстилки, на разстояніи около четверти аршина отъ края.

[1] Въ случаѣ, описанномъ Н. А. Виташевскимъ («Матеріалы для изученія шаманства у якутовъ». Записки В.-С. Отдѣла И. Р. Г. О-ва по Этнографіи, т. II, вып. 2-й, стр. 38), изображеніе было *приставлено «къ выходной двери* (курс. мой) такъ, что рожа **барылах'а** обращена внутрь помѣщенія». Взаимное расположеніе камина и двери въ якутской юртѣ таково, что послѣдняя никогда не освѣщается свѣтомъ перваго. Въ виду сказаннаго выше

юрты, къ духу-хозяину четырехъ основныхъ столбовъ юрты, къ духу-хозяину хотона (хлѣва) съ загономъ, наконецъ, къ духу-хозяину земли[1], выражая опасеніе, что они, возмущенные всѣмъ происходящимъ, могутъ наказать за это, отмахнувши огнемъ-полымемъ (духъ-хозяинъ огня), отворивши дверь (въ юрту) для бѣды-напасти (духъ-хозяинъ юрты), поколебавши столбы и стойки юрты (духъ-хозяинъ четырехъ основныхъ столбовъ), открывши входъ въ хотонъ и загонъ для злыхъ духовъ (духъ-хозяинъ хотона), спустивши на землю злыхъ духовъ и позволивши имъ все высмотрѣть (духъ-хозяинъ земли). Послѣ этого онъ обращается уже къ духу-хозяину лѣса:

О-о-о-о-о-о-о...
. . . .
Ставшій духомъ-хозяиномъ богатаго темнаго лѣса,
много имѣющій, съ важнымъ предназначеніемъ,
сѣрый съ виду Бāі Барылāх,
взглянувши сюда, освѣти свое лицо улыбкой!
Ставшій духомъ-хозяиномъ горѣлаго темнаго лѣса,
имѣющій конемъ стройнаго скакуна Куралаі Бāргāн,
взглянувши сюда, улыбнись!
Ставшая духомъ-хозяиномъ стройнаго, ровнаго лѣса
съ похотливостью во внутреннихъ мускулахъ бедра,
съ желаніемъ въ наружныхъ мускулахъ бедра,
сарӹ таҥалаі Алып Сāгāјāн,
взглянувши сюда, слегка улыбнись!
Ставшая духомъ-хозяиномъ лѣсного выступа,
имѣющая конемъ чернаго стригунца Џылыс Кӹс,
взглянувши сюда, покажи свое широкое лицо!
Ставшій Бајанаі-емъ моего капкана старикъ Балтысаххāн,
взглянувши сюда, покажи свое широкое лицо!
Ставшіе духами-хозяевами мелкаго кустарника
девяносто девять маленькихъ мальчиковъ,

объ отношеніи духа-хозяина огня къ духу-хозяину лѣса помѣщеніе изображенія послѣдняго около двери, куда не достигаетъ свѣтъ камина, мнѣ кажется болѣе соотвѣтствующимъ строю якутскихъ воззрѣній. Замѣчу кстати, что у меня описанъ тоже опредѣленный случай призыванія Бајанаі-я, но я записалъ такъ, какъ мнѣ говорилъ описывавшій это призываніе, склонный, конечно, считать его обязательнымъ въ этой именно формѣ для каждаго, совершающаго его.

[1] Я опускаю эту часть заклинанія и приведу ее, когда буду говорить объ этихъ духахъ-хозяевахъ.

бäттāх кöрöн, обугуlјусуң äрä!
Чäчініäр мас іччіläрä буолбут
сäттä уон сäттä џäрäкāн бічік кыргыттар,
бäттāх кöрöн, кыпарысың äрä!
Буор хаја іччіläрä буолбут Мосол уолаттара кыргыттара,

бäттāх кöрöн, кӯlӯгӯlјӯсӯң äрä!
Догдōн хара тыа доідулāх,

куруң хара тыа хонӯлāх,
сіс хара тыа сірдāх,
адāр хара тыа аlāстāх,
оі бäс отӯлāх,
сіäмäläс мас сäксälāх,
оі хара тыа олохтōх,
тумул хара тыа тусасалāх,
џаҕыл хара тыа тāлалāх,
даркы хара тыа даллāх,
тäңкä хара тыа тіäргäннāх,
бäі хара тыа балаҕаннāх,
äргäнä хара тыа џіаlāх,
халың харыја хаппаччылāх,
ӯlāјы мас оронnōх,
џіälläңäс талах тälläхтāх,
сыңынах мас сыттыктāх,
сул мас суорҕаннāх,
сӯдӯрӯннāх хатың сöкölōннōх,

ӯксä џӯlä біllібäт ӯрäх-ӯрäх басын āјы ӯöрдӯсäн ӯöскäбіт ӯргӯк ӯрӯң сӯрӯктāх,
ахса āта біllібäт даіҕа-даіҕа басын āјы тарҕанан ӯöскäбіт хаңыл хара сӯрӯктāх,
доіду-доіду улаҕатын āјы тунујан ӯöскäбіт улӯ кыллардāх,

сір-сір кäтäҕін āјы тäніјäн-тälгäнäн ӯöскäбіт џälliк тäсī сӯрӯктāх,

ӯскäм öҕӯöрӯ ӯöрдӯlāх,
бардам баламат бäрīlāх,
хаңыл халың асыныктāх,
кӯстāх кöңӯl öјöбӯllāх,

взглянувши сюда, приблизьтесь быстро!
Ставшія духами-хозяевами мелкой поросли на пожарищѣ
семьдесятъ семь маленькихъ дѣвочекъ,
взглянувши сюда, выпрямившись, приблизьтесь быстро!
Ставшіе духами-хозяевами глинистыхъ обрывовъ сыновья и дочери Мосол-а,
взглянувши сюда, явитесь быстрыми тѣнями!
Имѣющій своей областью крупнодеревый высокостоящій темный лѣсъ,
своимъ полемъ — темный горѣлый лѣсъ,
своей землею — темный, растущій на горѣ лѣсъ,
своей еланью — корявовѣтвистый темный лѣсъ,
своимъ шалашомъ — березовый колокъ,
своей постилкой — жимолостный лѣсъ,
своимъ сельбищемъ — темный лѣсъ-колокъ,
мѣстомъ кормежки скота — темный лѣсъ высокаго выступа,
мѣстомъ для отдыха своего скота — смѣшанный темный лѣсъ,
своимъ варкомъ — загроможденный валежникомъ темный лѣсъ,
своимъ пригономъ — ровный, крупный, темный лѣсъ,
своимъ жилищемъ — богатый темный лѣсъ,
своимъ домомъ — стройный, ровный лѣсъ,
своими ширмами — густой еловый лѣсъ,
своими лавками — ольховыя деревья,
своимъ тюфякомъ — рѣдкій тальникъ,
своей подушкой — валежникъ,
своимъ одѣяломъ — лишенныя коры деревья,
своимъ набраннымъ столомъ—березовый съ повисшими дождевыми каплями лѣсъ,
имѣющій несмѣтное количество вмѣстѣ вскормленнаго во всѣхъ верховьяхъ рѣчекъ пугливаго бѣлаго звѣря,
безчисленное количество врозь вскормленнаго на всѣхъ лѣсныхъ возвышенностяхъ пугливаго чернаго звѣря,
имѣющій во множествѣ вскормленнаго на краю всѣхъ мѣстностей большого звѣря,
имѣющій разбросанно-раскиданно въ дальнихъ концахъ всѣхъ земель вскормленнаго звѣря,
радующій пышной щедростью,
награждающій не жалѣючи щедрыми дачами,
съ неограниченной безудержной жалостью,
оказывающій какую угодно сильную поддержку,

усун улӯ ӯнӯлāх,
басыгырас бастың бāiдāх,
бāi хара тыа iччiтä буолбут Бāi Баjанаi, тоjон äсäкäм,
äн ат тijiäҕiнäн албан ҥасах āккын āттыр кӯммӯт буолла,
суол тijiäҕiнäн суон модун сураххын сурӯр кӯммӯт буолла. —
Тоjон äсäккäiбiт, бäттäх кöрöн, кӯlӯм аллаi äрä!
Кӯсӯlгäннāх кӯндӯнӯ кӯндӯlӯр кӯммӯт буолла:
чöҥöрö чӯöппä саҕа дiрiң тӯсӯlгäнi таттыбыт.
Махтäттāх бастың мāныны мāнылы̄р кӯммӯт буолла:
алāс сысы̄ саҕа араҕас маҥан остōлу таттыбыт.
Кӯöкällібiт моiнōх кӯндӯ кӯöх тāс iсiтi, iтiрiктāх iспӣрдiнäн iччiлāм-
мiт, туруордубут,
бастың бāраҕаiбыт басынан мāнылы̄ тосуiдубут,
халың сäксäнi ханы̄лāтыбыт,
ӯрдӯк сöкölōнӯ ҥӯöрälāтiбiт,
хāннāх хаiгыанан харыiдāтыбыт.
«Ҥорҕоно сотолōҕуттан ҥоллōроi» дiäммiт,
тоноҕостōх бäjäбiт токуjан äрäбiт;
«хара сӯрӯгӯттäн хараjāраi» дiäммiт,
хаljыктāх бäjäбiт хаңкыjан äрäбiт;
«äргäнä бäjälāҕiттäн äбāраi» дiäммiт,
iäччäхтāх бäjäбiт iмillän äрäбiт;
«ӯргӯк сӯрӯгӯттäн ölӯlāраi» дiäммiт,
сӯсӯöхтāх бäjäбiт сӯгӯрӯjäн äрäбiт.
Ҥä, бу кӯсӯlгäннāх кӯндӯlāрiн,
махтäттāх мāныларын,
астылаҥнāх āртасы̄ларын,
«аҥараi бiс ӯсуттан аналлāх
арбах бастāх аты̄р оjӯнунан алҕаттахтара» дiäҥҥiн,
арысыjа iстäр буолājыҥыi!
Бу аҕыс аjы̄ намысын аiмаҕыттан аналлāх оjӯт кiсiнäн,
«абарбыт санāтын араljытāраi» дiäннäр, āттасыннараҥ äрällär.
«Одун бiс ӯсуттан оҥорӯлāх
улӯ доiду оjӯнунан онолуттахтара» дiäҥҥiн,
орусуjа iстäр буолājаҕын!

съ далеко достигающей помощью,
обладающій многослойнымъ богатствомъ,
ставшій духомъ-хозяиномъ темнаго лѣса Бāі-Баjанаі, господинъ-дѣдушка,
пришелъ день величать твое славное имя, извѣстное настолько далеко, насколько можетъ доскакать конь,
пришелъ день собрать о тебѣ вѣсти, которыя не могутъ затеряться.—
Господинъ дѣдушка, взглянувши сюда, освѣти свое лицо улыбкой!
Пришелъ день усердно предложить тебѣ угощеніе:
мы приготовили пиршество, величиною съ глубокій омутъ.
Пришелъ день чествовать тебя лучшимъ, долго незабываемымъ пиромъ:
мы накрыли бѣлый столъ, величиною съ большую елань,
мы поставили роскошную зеленую стеклянную посуду съ вытянутымъ горлышкомъ, наливши въ нее охмеляющаго спирту,
мы встрѣтили тебя почетнымъ угощеніемъ — головой лучшей, отборной нашей скотины,
густо постлали постилку изъ вѣтвей,
много наставили на высокомъ столѣ,
отблагодарили тебя смазаннымъ кровью твоимъ изображеніемъ.
Говоря: «онъ, пожалуй, осчастливитъ насъ своими длинноногими»,
мы, имѣющіе хребетъ, кланяемся, тебѣ;
говоря: «онъ, пожалуй, поможетъ намъ изъ своихъ черныхъ бѣгуновъ»,
мы, имѣющіе атлантъ, кланяемся, склонивши голову на бокъ;
говоря: «онъ, пожалуй, прибавитъ намъ изъ своихъ красивыхъ видомъ»,
мы, имѣющіе сгибы, унижаемся;
говоря: «онъ, пожалуй, дастъ на нашу долю изъ своихъ пугливыхъ бѣгуновъ»,
мы, имѣющіе суставы, преклоняемъ колѣни.

Вотъ къ этому усердно предложенному ихъ угощенію,
къ ихъ лучшему долго незабываемому почетному пиру,
къ ихъ просьбѣ, которой ты долженъ бы удовлетвориться,
«чрезъ посредство назначеннаго родомъ нижнихъ духовъ
сильнаго, лохматаго шамана они заклинаютъ» — говоря,
какъ бы ты не отнесся съ недовольнымъ изумленіемъ!

Нѣтъ, назначеннаго мягкимъ родомъ восьми добрыхъ духовъ шамана, «онъ смягчитъ его (Бāі Баjанаі-я) разгнѣванную мысль»— говоря, заставили они умолять.

«Предопредѣленнаго родомъ верхнихъ злыхъ духовъ,
страшнаго мѣста шамана заставили говорить!» — сказавши,
какъ бы ты не отнесся съ недовольнымъ удивленіемъ!

Хата бу тоҕус Ц̦öсöгöі тӧрдӱттäн тölкölōх кӱн ц̦öljӱт ojӱт уолунан,
«уордаiбыт санāтын уҕарытāраi» дiäннäр, онолутан äрälläр.

Ц̦ä, бу мiн кiсi ыллāбыт ырыам ыраланан,
туоiбут тojугум дорҕōннонон,
саңарбыт саңам саталанан,
äппiт тылым iччilähäн,
iккilāх барҕан оҕо саҕа торҕон туос äмäгäт буолаңңын,

кiнi к̡iсi чампарыктāх таллан тāс ороjунан таңнары солонон,

чiккäjäн турар ӱрӱң сӱннӱп ӱтӱнäн суолланаңңын,

кiнi кiсi болуо тāс сӱрäҕiн сӱljӱтӱнäн суолланан кīрäңңiн,
тojон чопчу сӱрäҕiн долгутаңңын,
кiнi кiсi хаjыр тāс хаiҕах хара быарын хамнатаңңын,
кiнi кiсi нjыңыл куңун сахсатаңңын,
кiнi кiсi куодасыннāх уңуоҕун уjадытаңңын,
кiнi кiсi äт тылын iмiтäңңiн,

[Оннуттан туран суол аjаҕыттан бiллiрiккä дiäрi тöттöрӱ-тāры хāмыталыр.]

кiсiлī кäпсäтiннäр,
сахалы саңардыннар,
урāңхаiды онолут!

[Баjанаjы уосугар кiллäрäн:]

ha-ha-ha..... ho-o.
Кiсiлī кäпсäтäрiм ханна барыаi!
ha-ha-ha..... ho-o.
Сахалы саңарарым ханна барыаi!
ha-ha-ha..... ho-o.
Урāңхаiды онолуjарым ханна барыаi!
ha-ha-ha...... ho-o.
Кäрi-куру санāбыппын кäңäтäрiм ханна барыаi!
ha-ha-ha..... ho-o.
Iсi-хосу санāбыппын äтäрiм ханна барыаi!
ha-ha-ha..... ho-o.

Нѣтъ, чистаго, свѣтлаго шамана съ предназначеніемъ отъ девяти добрыхъ духовъ,
«онъ, пожалуй, смягчитъ его (Бāі Бајанаі-я) гнѣвную мысль»—говоря, заставляютъ они много говорить.
Вотъ, ты, пропѣтое мною пѣснопѣніе, ставши предсказаніемъ,
ты, воспѣтое мною воспѣваніе,
ты, произнесенная мною рѣчь, превратившись въ чудодѣйственный [камень,
ты, сказанное мною слово, ставши живымъ, ...
ставши быстрымъ берестянымъ äмäгäт, величиною съ двухлѣтняго ребенка,
прокладывая себѣ сверху внизъ дорогу чрезъ его (Бāі Бајанаі-я) снабженную обручемъ крѣпкую макушку,
находя путь чрезъ отверстіе для его прямо стоящаго бѣлаго спинного мозга,
войдя, найдя себѣ ходъ чрезъ связки его валуна-сердца,
растрогавши его мощное овальное сердце,
поколебавши его крѣпкую черную печень,
разрыхливши крѣпкіе мускулы его бедра,
размягчивши его кости, снабженныя отверстіями (для кровеносныхъ [сосудовъ),
заставивши говорить его языкъ, ...

[Тутъ шаманъ встаетъ съ мѣста и ходитъ взадъ и впередъ вдоль южной стороны юрты, между дверью и противоположной ей лавкой.]

застaвь его разговаривать по-человѣчески,
заставь его говорить по-якутски,
заставь потолковать по-уранхайски!

[Самъ Бāі Бајанаі устами шамана[1]:]

Ха-ха-ха. . .
Ну, конечно, я буду разговаривать по-человѣчески!
Ха-ха-ха. . .
Ну, конечно, я поговорю по-якутски!
Ха-ха-ха. . .
Ну, конечно, я потолкую по-уранхайски!
Ха-ха-ха. . .
Какъ мнѣ не ослабить своей сердитой мысли!
Ха-ха-ха. . .
Какъ мнѣ не высказать своей недовольной мысли!
Ха-ха-ха. . .

---

[1] Буквально: шаманъ, введя [въ себя] Бајанаі-я.

Атах-бытах санāбыппын араɉытарым ханна барыаі!
ha-ha-ha..... ho-o.
[Ц̣іäлāх алгыр:]
ha-ha-ha..... ho-o.
Тојон äсäккäiбiт, ц̣оллōх тојукта туоі, ыралāх ырыата ыллā, саргылāх саңата саңаран таҕыс!
ha-ha-ha..... ho-o[1].
[Ојӯн, Бајанајы кiллäрäн:]
ha-ha-ha..... ho-o.
Булчут уолбар ц̣орҕоно сотолōхпуттан тоңӯгар торутарым ханна барыаі!
ha-ha-ha..... ho-o.
Äргäнä бäјäлāхпiттäн äлiäҕäр äргiтäрiм ханна барыаі!
ha-ha-ha..... ho-o...
Хаңыл харабыттан хаңдāҕар харамњылырым ханна барыаі!
ha-ha-ha..... ho-o...
Бāраҕаiбыттан мāңылырым ханна барыаі!
ha-ha-ha..... ho-o...
Халың öңнōхпӯттäн хардалырым ханна барыаі!
ha-ha-ha..... ho-o...
Кӯöх кылāннāхпыттан кӯöjäн-хāјаң кiллäрäрiм ханна барыаі!
ha-ha-ho..... ho-o...
Ц̣ä, булчут уолбар кiрäн тахсыбыт тылбын кiкпäлiм äрä!
ha-ha-ha..... ho-o...
Ц̣орҕоно сотолōхпуттан! (Анир).
ha-ha-ha..... ho-o...
Кiрäн тахсыбыт тылбын кiппäлiäхпiн öрöгöiдōх ӯрӯң кöмӯс тӯöрäххiтiн аҕалың äрä!
[Хамыјаҕы бiäрäллäр.]
ha-ha-ha..... ho-o... [Тӯöрäхтiр.]
ha-ha-ha..... ho-o...

---

[1] Каждая изъ слѣдующихъ (113—119) строкъ сопровождается восклицаніемъ главы семьи, какъ бы закрѣпляющимъ обѣщанія Бāi Бајанаі-я. Вотъ эти восклицанія: Тојон äсäм, äтiäххiн äттiң! Господинъ дѣдушка, ты сказалъ, что долженъ былъ сказать! Тојон äсäм, сыңаҕың сыаланнын! Господинъ дѣдушка, пусть твоя скула покроется жиромъ! Тојон äсäм, ц̣оллōх тојуккун туоiдаҕың буоллун! Господинъ дѣдушка, воспѣтое тобою пѣснопѣніе пусть будетъ приносящимъ счастье! Тојон äсäм, ыралāх

Какъ мнѣ не смягчить своей неблагосклонной мысли!
Ха-ха-ха...
[Глава семьи заклинаетъ:]
Ха-ха-ха...
Господинъ дѣдушка, счастливое воспѣваніе воспой, пѣсню съ долженствующимъ сбыться предсказаніемъ запой, приносящую счастье рѣчь сказавши, выйди!
Ха-ха-ха...[1]
[Бāі Бајанаі, устами шамана:]
Ха-ха-ха...
Для охотника моего парня какъ не остановить изъ моихъ длинноголенныхъ въ твоей засѣкѣ!
Ха-ха-ха...
Какъ не поворотить изъ моихъ красивошерстыхъ въ твою засѣку!
Ха-ха-ха...
Какъ мнѣ не расщедриться изъ моихъ дикихъ темношерстыхъ въ твою петлю!
Ха-ха-ха...
Какъ мнѣ не оказать честь изъ моихъ матерыхъ!
Ха-ха-ха...
Какъ мнѣ не отплатить изъ моихъ густошерстыхъ!
Ха-ха-ха...
Какъ мнѣ не загнать изъ своихъ синеостныхъ!
Ха-ха-ха...
Дай-ка, закрѣплю для охотника моего парня свои слова, сказанныя за недолгое пребываніе! Ха-ха-ха...
Изъ моихъ длинноголенныхъ! (Шаманъ вытянулъ руку съ четырьмя выпрямленными пальцами, что означало, что обѣщаны четыре сохатыхъ). Ха-ха-ха...
Чтобы сдѣлать неизмѣнными мои слова, сказанныя за недолгое пребываніе, дайте мнѣ серебряный жеребей! Ха-ха-ха...
[Шаману даютъ ложку.]
Ха-ха-ха... [Бросаетъ.]
Ха-ха-ха...

ырыаҕын ыллāтаҕың буоллун! Господинъ дѣдушка, пусть пропѣтая тобою пѣсня осуществится! Тојон äсäм, саргылāх саңаҕын саңардаҕың буоллун! Господинъ дѣдушка, пусть произнесенныя тобою слова принесутъ счастье! Тојон äсäм, кікпälāх тылгын äттäҕің буоллун! Господинъ дѣдушка, пусть сказанное тобою слово будетъ крѣпко! Тојон äсäм, öрöгöідōх ӱӧрӱнӱ ӱöрдäҕің буоллун! Господинъ дѣдушка, пусть твоя радость (т. е. хорошее настроеніе) будетъ счастливой [для меня]!

Въ такихъ случаяхъ ложка, падая на землю, ложится иногда выпуклой стороной вверхъ, что считается недобрымъ предзнаменованіемъ. Ее сейчасъ же хватаютъ съ крикомъ: Сір быладаја тāпгā! Земная нечисть подтолкнула! Ложку бросаютъ до тѣхъ поръ, пока она ляжетъ вогнутой стороной кверху. Всѣ кричатъ тогда: уру-уі, уруі! подай!

Опять, какъ это было описано выше, кормятъ духовъ-хозяевъ огня, земли и лѣса. Сначала шаманъ льетъ на огонь водку (если она была) изъ рюмки, а хозяинъ кладетъ ложкой саламāт и бросаетъ мясо; затѣмъ шаманъ идетъ къ окну, находящемуся около выходной двери (въ идеальной, такъ сказать, юртѣ оно обращено на востокъ), какъ бы выдыхаетъ изъ себя Бāі Бајанаі-я, при чемъ издаетъ звукъ һу-у-у-у! и напутствуетъ его словами:

Џоллōх тојуккун туоідаҕың буоллун!
ыралāх ырыаҕын ыллāтаҕың буоллун!
кікпäläх тылгын äттäҕің буоллун!
öрöгöідōх ӯöрӯгӯн ӯöрдäҕің буоллун!

Воспѣтое тобою пѣснопѣніе пусть будетъ приносящимъ счастье!
Пусть пропѣтая тобою пѣсня осуществится!
Пусть сказанное тобою слово будетъ крѣпко!
Пусть твоя радость[1] будетъ счастливой [для насъ]!

Затѣмъ всѣ усаживаются, курятъ и угощаются.

Петроградъ.
Октябрь. 1914.

Настоящая статья была уже набрана и сверстана, когда мнѣ сдѣлали два указанія.

Во-первыхъ, къ слову Баттах Сарын (см. стр. 15). Въ большомъ хлѣву (хотон) приходится класть двѣ матицы (ӯсӯö), и если эти матицы недостаточно толсты, то, для предупрежденія повисанія ихъ, въ серединѣ хлѣва вкапывается столбъ, на который кладется обрубокъ дерева, подпирающій своими концами обѣ матицы. Вотъ этотъ обрубокъ тоже называется баттах, а потому и выраженіе «Баттах Сарын» можетъ обозначать «широкія, крѣпкія плечи» (сарын).

Во-вторыхъ, мнѣ указанъ пропускъ въ заклинаніи, помѣщенномъ на стр. 22—32. Послѣ стиха 26-го должно быть вставлено обращеніе къ сыну и дочери Харгыс-господина и Харса-госпожи: Харгыс тојон Харса хотун уола кы̄са, бултӯр буллу тöттöрӯ сапсыјан харгысты̄ турāччылар! «Бісігі āппытын āттāбата» діäңңіт, абаран таңнары хахсāттасан харгысты̄р буолāјаҕытыі.—Äсігі ӯрдӯк āккытын āттāн äрäбін. Бäттäх кöрöн, мічік аллајың äрä!

Харгыс-господина и Харса-госпожи сынъ и дочь, вы, дичь назадъ отмахивая, мѣшая стоящіе! «Нашего имени не назвалъ» говоря, вы, разсердившись, пожалуй, будете отпугивать-мѣшать.—Ваши высокія имена называю. Взглянувши сюда, улыбнитесь!

---

[1] Т. е. хорошее настроеніе.

Приложеніе къ статьѣ В. М. Іонова
„Духъ-хозяинъ лѣса у якутовъ“.

Варіантъ призыванія Бāі Баjанаі,

записанный
лѣтомъ 1914 г., во время поѣздки въ Якутскую область по порученію Русскаго Комитета для изученія Средней и Восточной Азіи,
С. А. Новгородовымъ,
съ его же переводомъ и примѣчаніями.

Текстъ.

Алāс сысы̄ саҕа
тāла маңан холумтан цāрбацнāх,
аҕыс кыры̄лāх
суостуганнāх суо хāн осох дурдалāх,
соноҕос ат хō̄lјуктāх басын саҕа

алтаннāх болуо хатакка
кубулујан іңміт,
ӓскӓ̄l тыі хара быарын саҕа

іккі кыры̄лāх ӓстӓрі̄ чокӯрга
іңӓн кубулуібут,
тырым уоту ты̄ннāбыт,
кӱ̄öх уоту кӱ̄öдӱ̄ппӱ̄т,
ӓмнјік кулун саҕа ӱ̄рӱ̄ц кыаҕа кӱ̄öдуібӱ̄т,
тосоҕос от саҕа
дуолан тімір чох сӓксӓlǟх,

далла ураса саҕа
наі-хара буруо тölöннȫх

суостуганнāх суо хāн осох іччітǟ,
āл уот іччітǟ,
Бы̄ра Бытык, Хатан Тӓбіӓріјӓ,
Тӱ̄нӱ̄l Бöҕö, Кӱ̄öнӓ Кöгöччöр,
Āн Уххан, тојон ӓсӓм!
Кӱ̄öс аннынан кӱ̄öрӓібіт
Кӱ̄ццӱ̄гӓн Чāдаі, Алтан Чыкчāнаі, тојон ӓсӓм!

Переводъ.

Величиною съ елань-поле
ровный бѣлый шестокъ имѣющій мѣстомъ для своей прогулки,
съ восемью ребрами,
съ жаромъ жаркій важный камелекъ имѣющій своимъ прикрытіемъ,
величиною съ [отрѣзанную] вмѣстѣ съ атлантомъ голову молодого коня —
въ [такое] громадное огниво съ [украшеніемъ изъ] мѣди
проникнувшій, превратившись,
величиною съ черную печень жеребенка-сосуна по второму году
въ кремень съ двумя краями
превратившійся, проникнувъ,
оживившій мерцающій огонь,
воспламенившій синій огонь,
воспламенившійся на бѣломъ трутѣ величиною съ жеребенка-сосуна,
величиною съ небольшой стогъ сѣна
громадный желѣзный уголь имѣющій въ качествѣ возвышенія для жертвоприношеній,
величиною съ маленькій шатеръ
черный дымъ, вздымающійся кверху большими клубами, имѣющій своимъ пламенемъ,
хозяинъ жаркаго важнаго камелька съ жаромъ,
духъ домашняго священнаго огня —
Бы̄ра Бытык, Хатан Тäбіäрijä,
Тӯнӯl Бöӈö, Кӱöнä Кöгöччöр,
А̄н Уххан, господинъ мой дѣдъ!
Моментально появившійся по-подъ горшкомъ
Кӱӈӈӱгäн Ча̄даі, Алтан Чыкча̄наі, господинъ мой дѣдъ!

Бултӯ таххар кӯммäр äсiгiттäн кöрдöстӯм[1].
Бāi хара тыа iччiтä,
Барацкы Сӯрӯк аттāх[2],
кӯöх тiӈ уорҕата угунјалāх,
кiс кы̄л кäтäҕiн кiлбiäнä кäтiнчäлā̈х,

сāрба кы̄л самы̄тын тāлыра саҕынјахтāх,
уоттāх сасыл кутуруктӯн уорҕата тӯсӯлӯктā̈х,

муостāх бӯр кäрäмäс тыса бäргäсäлā̈х,

Баiдам Тутӯ,
Барыла Кäскiл,
Бāi Бары̄лāх,
тојон äсäм!
Саха урāӈхајы
салыӈнāх ытыстāбытыӈ,
хāннāх уллуӈахтāбытыӈ,
булчукка усуiбутуӈ,
сӯр кута ӱöскӯöҕӯттäн
булчут уол оҕоҕо
чугасыах буолбутуӈ;
кӯöх хара тыа кӯöнӯн аннығар
кӯлӯктäнäн тураӈӈын
кӯллäрäстāн кӯлӯм аллаја тосуi äрä!
ӱöl-цӱölгä ӱсӯрäӈӈiн
ӱтӱö тӯлāххiн-кылāннāххын
ӱрäн аҕал äрä, тојон äсäм!
Мōiнугар быалāх,
тӯöсӯгäр кӯннā̈х
кäрäмäс сасыл аттāх,
чāчар сāлāх,
талах оноҕостōх
тумул хара тыам iччiтä
Туоцхāны Бōтур, тојон äсäм,
туорāбыты тоӈӯҕар тосхоi!
Äргäнä хара тыам iччiтä,

[1] Бу гыына āл уокка ас (ары̄) кутан бiäрбiт.
[2] Ол «ата» дiäн таба кölö буолар.

Въ день своего выхода на промыселъ я обращаюсь къ вамъ съ просьбой [1].

Духъ богатаго чернаго лѣса,—
имѣющій лошадью [2] Бѣгунца Барāңкы,
имѣющій стельку изъ спинной шкурки синей бѣлки,
имѣющій чулки изъ сіяющихъ [шкурокъ] съ затылковъ звѣрей-соболей,
имѣющій доху съ блестящими волосами круповъ звѣрей-соболей,
имѣющій нагрудникъ изъ спинной шкуры огненно-[красной] лисицы съ хвостомъ,
имѣющій шапку съ рожками изъ лапокъ сивой съ пятнами [лисицы-] самца,
Щедрая Держава,
Многообразный Жребій,
Богатый Барылāх,
господинъ мой дѣдъ!
Якутскому роду
ты даровалъ легкую руку
и удачу на промыслѣ,
посвятилъ его въ тайны промышленника,
съ момента возникновенія души его
къ юношѣ-охотнику
быть близкимъ ты далъ обѣщаніе;
на опушкѣ темнозеленаго лѣса,
стоя въ тѣни,
встрѣть-ка, съ хохотомъ, открывъ ротъ со сверкающими [зубами]!
Своимъ свистомъ во время утреннихъ сумерекъ
добраго своего пушного звѣря
пригони-ка, господинъ мой дѣдъ!
Съ веревкой на шеѣ,
съ солнцемъ на груди
сивую съ пятнами лисицу имѣющій [вмѣсто] лошади,
имѣющій [вмѣсто] ружья лукъ,
имѣющій [вмѣсто] стрѣлы тальникъ,
духъ чернаго моего лѣса на горномъ выступѣ
богатырь Туоңхāны, господинъ мой дѣдъ,
направляй къ своей загороди ушедшаго въ сторону [звѣря]!
Духъ сплошного чернаго моего лѣса,

---

[1] Затѣмъ онъ полилъ на домашній священный огонь [немного изъ] пищи (масла).
[2] Та его т. н. лошадь (есть) верховое животное — олень.

äріäн таба аттāх,
Äрдä Сыры̄,
Арігір Харах,
Äрбäс Бōтур,
äліібіті äліäҕäр кілläр!
Сіс хара тыам іччітä,
куоппуту сітäр сіäр таба аттāх,
сіäмäläс талах кымнјы̄лāх
Сіӊкäн Äрілік, тојон äсäм,
куоппуккун сітäн кулу!
Куруӊ хара тыам іччітä,
кус хаӊыл аттāх
Кураҕаччы Сӯрӯк,
куоппуту сітäн кулу, тојон äсäм!
Кыӊыраі хара тыам іччітä,
Тыӊкыраі Бōтур,
кылы̄гын кыӊатыма діäн кöрдöсöбӯн, тојон äсäм!

Уӊуохтāх окко ујаламмыт
Одунча Бōтур,
салāлāх маска саспыт
Хабд̦ы Бōтур, тојон äсäläрім,
кытыгырас сӯсӯöхтāххітін
мöltöтöн бӯдӯрӯтäн кулуӊ!
Оідōх бӯрунан тӯöрäх кäбісäн кулуӊ, тојон äсäläрім!

Тојон äсäläрім,
хардаҕаспар хāјан кулуӊ,
кылы̄бар кысајыӊ,
кäнтікпäр кілläрің,

оӊкубун одӯлатымаӊ!
Џоллōх кöрдöсӯнӯ кöрдöстӯм,
ыралāх тылбынан ыӊырдым.

имѣющій [вмѣсто] лошади пестраго оленя,
Ранній Ходъ,
Глазъ съ Большими Бѣлками,
богатырь Ӓрбӓс,
пробѣжавшихъ мимо введи въ свою засѣку!
Духъ чернаго моего лѣса на хребтѣ горъ,
имѣющій [вмѣсто] лошади буланаго оленя, догоняющаго убѣжавшаго,
имѣющій кнутъ изъ тальника-жимолости
Сіңкӓн Ӓрiiк, господинъ мой дѣдъ,
догони убѣжавшихъ отъ тебя!
Духъ высохшаго чернаго моего лѣса,
имѣющій дикую, какъ утка, лошадь,
Бѣгунецъ Кураҕаччы,
господинъ мой дѣдъ, догони-ка убѣжавшихъ!
Духъ черной моей гривки
богатырь Тыңкырaі,
не заставь [меня] зорко наблюдать за (твоей) силкой, [такъ] говоря, прошу [тебя], господинъ мой дѣдъ!
Гнѣздившійся въ [твердой какъ] кость травѣ
богатырь Одунча,
спрятавшійся въ вѣтвистомъ деревѣ
богатырь Хабҕы, господа мои дѣды,
рѣзвыхъ своихъ звѣрей,
ослабивъ, свалите-ка!
Лосемъ-самцомъ съ вѣтвистыми рогами поворожите-ка [мнѣ], господа мои дѣды!
Господа мои дѣды,
загоните-ка къ моему самострѣлу,
пригоните къ моей силкѣ,
введите въ пространство между силкой и палкой, къ которой она привязывается,
не дайте смотрѣть на мой слѣдъ!
Я попросилъ счастливой просьбой,
я воззвалъ своими словами, заключающими въ себѣ осуществимую мечту!

Примѣчанія.

Стихъ 2. Тāла холумтан дiäн цäрбаӈнāх iаннāх холумтан буолар, т. е. то, что наз. тāла холумтан, есть [не что иное, какъ] шестокъ (очагъ) съ большою площадью.

Стихъ 9. Перевожу äстäрī чокӯр однимъ словомъ—кремень: здѣсь передъ нами имѣется пара синонимныхъ словъ, къ которой обычно прибѣгаетъ якутскiй пѣвецъ; скажу болѣе, это составляетъ чуть ли не одинъ изъ его поэтическихъ прiемовъ.

Стихъ 14. Тосоҕос от. Подъ этимъ выраженiемъ и пѣвецъ и всѣ присутствовавшiе понимали стожокъ сѣна, который невозможно по причинѣ его малости измѣрить маховыми саженями. Такимъ образомъ, данное объясненiе отличается отъ перевода («островерхiй стогъ») этого же выраженiя у В. М. Iонова въ его статьѣ «Орелъ по воззрѣнiямъ якутовъ», II. Когда я задалъ вопросъ, не скрыто ли здѣсь понятiе объ остромъ верхѣ стога, то всѣ присутствовавшiе стали упорно отрицать это. Но когда я сказалъ, что, можетъ-быть, въ другихъ улусахъ и наслегахъ существуетъ такое понятiе, то нѣкоторые изъ собесѣдниковъ моихъ явно неохотно согласились съ этимъ предположенiемъ. Съ другой стороны, Э. К. Пекарскiй сообщилъ мнѣ, что выраженiе тосоҕос от зарегистровано имъ въ значенiи: «большой и коническiй стогъ сѣна» и что у Худякова («Верхоянскiй Сборникъ») оно переведено черезъ двадцати- и сорокасаженный стогъ сѣна, а В. М. Iоновъ добавилъ, что въ подготовляемой имъ къ печати сказкѣ, записанной В. Н. Васильевымъ, встрѣчается выраженiе тоҕус быластāх (девятисаженный) тосоҕос от.

Стихъ 20. Бӣра Бытык, борода[, напоминающая по формѣ] стрѣлу съ вилообразнымъ наконечникомъ. Я не давалъ перевода этихъ словъ, какъ и словъ Сiӈкäн Äрiiк, въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ потому, что не желалъ нарушать нѣкоторой послѣдовательности въ общемъ переводѣ.

Ср. «бӣра бырӷа эпитетъ духа огня» и «бырӷа бытык (въ переводѣ *Пр.* и *Я.:* сѣдая, сѣдоватая борода, а по *ДП.:* выдавшаяся бородка)—эпитетъ духа огня (по *Сл.:* одинъ изъ семи братьевъ-боговъ огня)» («Словарь якутскаго яз.»).

Стихъ 34. Барыла. У Э. К. Пекарскаго (столб. 385) имѣемъ: «барылы [ср. барылāх — тюрк. барлы]». Мой отецъ пояснилъ значенiе этого

слова замѣной сочетанія барыла кäскil другой парой словъ: äлбäх кäскil (т. е. обильный жребій).

Стихъ 35. Э. К. Пекарскій (столб. 383) пишетъ «барылāх» и переводитъ черезъ «имѣющій все». При моемъ же написаніи гладкій переводъ невозможенъ: отдѣляя суффиксъ лāх, мы получаемъ основу бары̄, которую можно разсматривать какъ nomen actionis или отъ ³бар, или отъ ²бара̄ (см. «Слов. як. яз.»).

Стихъ 47. Ӱöl-ӈӱöl — Dämmerung (Бётлингъ), начало утренняго разсвѣта = ӱöӈӱl-ӈӱöӈӱl (Э. К. Пекарскій).

«Ӱöl-ӈӱöl діäн тыӈ хаты̄тын кäннінäӈі кäм буолар», т. е. ӱöl-ӈӱöl есть время, слѣдующее за тыӈ хаты̄та (слова пѣвца, справедливость которыхъ подтверждена всѣми присутствовавшими). Такимъ образомъ, мы здѣсь имѣемъ ясное разграниченіе обоихъ моментовъ. Ӱöl-ӈӱöl означаетъ не просто сумерки, а ихъ конецъ, или, по крайней мѣрѣ, ихъ середину, или то и другое вмѣстѣ; во всякомъ случаѣ «начало» сумерекъ не ассоціируется съ понятіемъ ӱöl-ӈӱöl.

Стихъ 58. Äргäнä тыа — обнаженный отъ иголъ лѣсъ (Э. К. Пекарскій), крупный лѣсъ (С. В. Ястремскій), стройный лѣсъ (В. М. Іоновъ). Ни съ однимъ изъ этихъ переводовъ не согласуется объясненіе пѣвца, не нашедшее опроверженія со стороны присутствовавшихъ: онъ подъ äргäнä тыа разумѣетъ крайній лѣсъ, деревья на краю лѣса. Онъ смѣло замѣняетъ пару словъ «äргäнä тыа» новой — «äӈäр тыа». Но вотъ еще новое объясненіе: мой отецъ äргäна тыа понимаетъ какъ лѣсъ на горномъ хребтѣ (сіс тыа) или какъ сплошной лѣсъ (кäріскä тыа). Находя наиболѣе близкимъ къ истинѣ послѣднее толкованіе, я и далъ переводъ, согласный съ нимъ.

Стихи 61 и 62. Ср. Äрігір хара Äрбäс оjӯн (ск.)—имя «духа крупнаго темнаго лѣса» («Слов. як. яз.» Э. К. Пекарскаго).

Стихъ 73. Кыӈыраі тыа. Лѣсъ, тянущійся узкой полосой и растущій большею частью между сосѣдними еланями, т. е. на довольно высокомъ мѣстѣ.

Стихъ 74. Тыӈкыраі Бо̄тур. Функція этого баjанаі-я, по мнѣнію одного изъ «сказочниковъ» (олоӈхосут-овъ) наслега Болтоӈо Севастіана Миронова, 45—50 лѣтъ, незначительна: онъ способствуетъ прихлопыванію чāхāн-овъ (чāхāн = чāкāн = чāххāн = чāркāн — особаго устройства ловушка на мышей и другихъ мелкихъ животныхъ). Вотъ подлинныя слова Миронова: «кіні (т. е. Тыӈкыраі Бо̄тур) — кыра баjанаі: чāкāны äсäр». И дѣйствительно, въ этомъ «чāкāн-ѣ» имѣется тоненькая, расположенная горизонтально палочка, называемая тыӈкыраі; на ней устанавливается вертикально коротенькая палочка, такъ наз. тäптäргä, т. е. подпорка. При малѣйшемъ прикосновеніи къ тыӈкыраі, тäптäргä взлетаетъ кверху на своемъ

волоскѣ; въ это время происходитъ прихлопываніе (буквально: разряженіе) ловушки (чāхāн äстäр).

Стихъ 79. Хабцы значитъ куропатка.

Стихъ 82. Тӯбрäх кäбіс — бросать какой-нибудь предметъ съ цѣлью гаданія. Для этого употребляется ложка, шапка, рукавица и др. Въ настоящей пѣснѣ для этой цѣли предлагается цѣлый «лось съ вѣтвистыми рогами».

Стихъ 84. Въ словѣ хардаҕас мы имѣемъ примѣръ «слова, произносимаго оберегаючи» (харыстāн äтilläр тыл): звѣроловъ, изъ предосторожности, называетъ свой самострѣлъ (аја) просто «полѣномъ» (хардаҕас).

Поясненія, дополненія и дословный переводъ нѣкоторыхъ мѣстъ.

Ырыа Тiäхāн («Пѣвецъ Тихонъ»), инородецъ Жулейскаго наслега (Џӯlӓi ӯса) Таттинскаго улуса (Тāтта улӯса) Тихонъ Петровъ Борисовъ, приблизительно сорока лѣтъ, со словъ котораго записано это произведеніе, называетъ его просто бајанаі ырыата, т. е. пѣсней о духахъ, покровительствующихъ звѣролову. Но такъ какъ въ настоящей пѣснѣ мы имѣемъ обращенія съ просьбами къ разнымъ бајанаі-ямъ, то можно принять, что понятіе ырыа (пѣсня) является родовымъ по отношенію къ понятію алгыс (мольба, призываніе съ просьбой, заклинаніе).

Вотъ дословный переводъ нѣкоторыхъ мѣстъ:

стихи 37—39: якута-молодца (современное пониманіе) ты снабдилъ ладонью со слизью, ты сдѣлалъ [его] имѣющимъ подошву съ кровью;

44: подъ передней частью зелено-чернаго лѣса;

45: ты стоя, имѣя у себя тѣнь, т. е. стоя въ тѣни;

48: тӯlāх- кылāннāх — имѣющій шерстинку и волосъ съ острымъ концомъ;

68: убѣжавшаго твоего догнавъ, дай;

80 и 81: ловкаго суставчатаго вашего ослабивъ, заставивъ споткнуться, дайте, или: дайте, заставивъ ослабѣть и споткнуться.

Со словомъ Āн-Уххан (см. стихъ 22) ср. «āл уххан (урхан) äсä — эпитетъ духа домашняго огня» («Словарь як. яз.» Э. К. Пекарскаго).

Якутскія слова въ переводѣ, за исключеніемъ тѣхъ, которыя разсмотрѣны въ примѣчаніяхъ къ стихамъ 74 и 79, представляютъ собой собственныя имена и эпитеты, которые я или вовсе не былъ въ состояніи перевести на русскій языкъ, или же могъ перевести только частью. Къ первымъ относятся: Āн Уххан, Кӯџџӯгäн Чāдаі, Барāҥкы, Туоҥхāны, Äрбäс и Одунча, ко вторымъ — всѣ остальные имена и эпитеты.

Я также не могу считать свой переводъ словъ сӯр кут (см. стихъ 41) точнымъ и исчерпывающимъ; соотвѣтствующую литературу см. въ «Эволюціи черной вѣры (шаманства) у якутовъ» В. Ф. Трощанскаго.

Инородецъ 2-го Хатылинскаго наслега Ботурусскаго улуса, дававшій мнѣ разъясненія по вопросу о баjанаі-яхъ, говорилъ: «Въ разныхъ мѣстностяхъ баjанаі-евъ именуютъ различно; поэтому мы не знаемъ именъ нѣкоторыхъ баjанаі-евъ, имѣющихся вотъ въ этой твоей ңӯ̊läi-ской пѣснѣ[1]; мы раньше не слышали ихъ. Равнымъ образомъ ңӯ̊läi-цамъ покажется весьма страннымъ (ңӯ̊läiдäр сӯölӯргӯ істіäхтäрä = «ңӯ̊lаі-цы услышать, поражаясь») то, какъ мы — болтогинцы (болтоңолор) — именуемъ нѣкоторыхъ баjанаі-евъ». Это подтвердилъ впослѣдствіи промышленникъ, якутъ того же наслега Болтоңо, Софронъ Ивановъ Семеновъ, 40—45 лѣтъ. Къ числу этихъ странныхъ для нихъ именъ болтогинцы отнесли Туоңхāны.

По ихъ мнѣнію, Кураҕаччы Сӯрӯ̊к Куралаі Бäргäн или Куралаі Бäргäн Кураҕаччы Сӯрӯ̊к — имя только одного баjанаі-я, а не двухъ разныхъ баjанаі-евъ.

С. Н.

---

[1] Собравъ всѣ необходимыя свѣдѣнія у даннаго лица, какія только оно могло сообщить мнѣ, я лишь послѣ этого, какъ бы въ видѣ благодарности, прочитывалъ ему имѣвшіяся у меня подъ рукой записанныя пѣсни и кстати разспрашивалъ его о значеніи непонятныхъ для меня словъ.

Сборникъ Музея Антропологіи и Этнографіи при Императорской Академіи Наукъ.

Publications du Musée d'Anthropologie et d'Ethnographie de l'Académie Impériale des Sciences de Petrograd.

Изданы:

Томъ I.

I. **Fr. Russow.** Beiträge zur Geschichte der ethnographischen und anthropologischen Sammlungen der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St.-Petersburg. Zusammengestellt und mitgetheilt von Fr. Russow. 1900. I+III+XX+154+I S. gr. 8⁰. Ц. 1р. 60 к.=4 Mk.

II. **В. Г. Богоразъ.** Очеркъ матеріальнаго быта оленныхъ чукчей, составленный на основаніи коллекцій Н. Л. Гондатти. Съ 25 табл. 1901. II+66+I стр. gr. 8⁰. Ц. 3 р. 20 к.=8 Mk.

III. **С. Ф. Ольденбургъ.** Матеріалы по буддійской иконографіи. 1. О нѣкоторыхъ изображеніяхъ Майтреи. 2. О нѣкоторыхъ изображеніяхъ Майтреи въ Тибетѣ. 3. Японская статуетка Авалокитешвары. Съ 6 таблицами. 1901. II+10 стр. gr. 8⁰. Ц. 40 к.=1 Mk.

IV. **С. Ф. Ольденбургъ.** Матеріалы по буддійской иконографіи. 4. Альбомъ буддійскихъ изображеній Казанской Духовной Академіи. 5. О нѣкоторыхъ изображеніяхъ бодисатвъ. 6. Объ одномъ гандхарскомъ рельефѣ съ изображеніемъ царя преисподней Яма. 7. Къ вопросу объ изображеніяхъ Куверы съ ихневмономъ (накула). Съ 6 таблицами. 1903. II+15 стр. gr. 8⁰. Ц. 40 к.=1 Mk.

V. **А. Д. Рудневъ.** Замѣтки о техникѣ буддійской иконографіи у современныхъ зурачиновъ (художниковъ) Урги, Забайкалья и Астраханской губ. Съ 1 таблицей. 1905. 15 стр. gr. 8⁰. Ц. 50 к.=1 Mk.

VI. **П. С. Поповъ.** Китайскій пантеонъ. Съ 10 таблицами. 1907. II+XII+88 стр. gr. 8⁰. Ц. 1 р. 25 к.=2 Mk. 50 Pf.

VII. **В. И. Каменскій.** «Чортово городище» въ Ветлужскомъ уѣздѣ по раскопкамъ 1908 г. Съ 6 табл. 1909. 12 стр. gr. 8⁰. Ц. 45 к.=1 Mk.

VIII. **В. Н. Васильевъ.** Шаманскій костюмъ и бубенъ у якутовъ. 1910. IV+47 стр. gr. 8⁰. Ц. 1 р. 25 к.=2 Mk. 80 Pf.

IX. **М. С. Андреевъ и А. А. Половцовъ.** Матеріалы по этнографіи иранскихъ племенъ Средней Азіи. Ишкашимъ и Ваханъ. Съ 6 таблицами. 1911. VI+41 стр. gr. 8⁰. Ц. 80 к.=1 Mk. 75 Pf.

X. **Е. Л. Петри.** Ѳедоръ Карловичъ Руссовъ. Первый Ученый хранитель Музея Антропологіи и Этнографіи при Императорской Академіи Наукъ. Съ портр. 1911. IV+8 стр. gr. 8⁰. Ц. 25 к.=50 Pf.

XI. **И. В. Вербургтъ.** Замѣтка о пребываніи Имп. Петра Великаго близъ рѣки «Vecht» въ Голландіи. 1911. IV+4 стр. gr. 8⁰. Ц. 15 к.=30 Pf.

XII. **Н. И. Воробьевъ.** Опись собранія буддійскихъ статуетокъ, пріобрѣтенныхъ въ Сіамѣ въ 1906 г. Съ 4 табл. 1911. IV+II+29 стр. gr. 8⁰. Ц. 1 р. 25. к.=2 Mk. 75 Pf.

XIII. Д-ръ мед. **К. З. Яцута.** Систематическое иллюстрированное описаніе коллекціи уродовъ Музея Антропологіи и Этнографіи имени Императора Петра Великаго при Императорской Академіи Наукъ. Вып. I. Симметричные близнецы. Асимметричные близнецы. 1912. IV+I+45 стр. gr. 8⁰. Ц. 85 к.=1 Mk. 90 Pf.

XIV. **Ѳ. Литвиновъ.** Къ вопросу, въ какой палатѣ скончался Императоръ Петръ Великій. 1913. III+19 стр. gr. 8⁰. Ц. 65 к.=1 Mk. 50 Pf.

XV. Д-ръ мед. **К. З. Яцута.** Систематическое иллюстрированное описаніе коллекціи уродовъ Музея Антропологіи и Этнографіи имени Императора Петра Великаго при Императорской Академіи Наукъ. Вып. II. Янусовидные уроды. 1913. — Cephalothoracopagi. IV+I+58 стр. gr. 8⁰. Ц. 1 р.=2 Mk. 25 Pf.

XVI. **В. М. Іоновъ.** Орелъ по воззрѣніямъ якутовъ. I. Почитаніе орла у якутовъ. II. Пѣсня о наступленіи года. VI+28 стр. gr. 8⁰. Ц. 45 к.=1 Mk.

Томъ II.

1. **Э. К. Пекарскій и В. П. Цвѣтковъ.** Очерки быта пріаянскихъ тунгусовъ. Съ 4 картами и одной таблицей. 1913. III+128 стр. gr. 8⁰. Ц. 1 р. 35 к.; 3 Mrk.
2. **В. И. Анучинъ.** Очеркъ шаманства у енисейскихъ остяковъ. Съ рисунками въ текстѣ, исполненными художникомъ С. М. Дудинымъ. 1914. I+90 стр. gr. 8⁰. Ц. 1 р. 35 к.; 3 Mrk.
3. ***Артуръ Макъ Дональдъ.** Умственныя способности въ связи съ окружностью головы, головнымъ указателемъ, соціальнымъ положеніемъ, поломъ, возрастомъ и національностью. 1914. I+10 стр. gr. 8⁰. Ц. 20 к.
4. Д-ръ мед. **К. З. Яцута.** Систематическое иллюстрированное описаніе коллекціи уродовъ Музея Антропологіи и Этнографіи имени Императора Петра Великаго при Императорской Академіи Наукъ. Вып. III. Сросшіеся грудной клѣткой.—Thoracopagi. 1915. III+105—152 стр. gr. 8⁰. Ц. 1 р.

Томъ III.

Печатается.

Томъ IV.

1. **В. М. Іоновъ.** Духъ-хозяинъ лѣса у якутовъ. Бāі хара тыа іччітā Бāі Бајанаі Бāі Барылāх. 1916. I+43 стр. gr. 8⁰. Ц. 50 к.

Volume II.

1. ***E. Pekarski et W. Cvětkov.** Études sur la vie des toungouses habitant près du port Ayan. Avec 4 cartes et 1 planche. 1913. III+128 pages. gr. 8⁰. Prix 1 rbl. 35 cop.; 3 Mrk.
2. ***V. Anučin.** Le chamanisme chez les Jenisej-ostiaks. Avec des dessins de S. Dudin. 1914. I+90 pages. gr. 8⁰. Prix 1 rbl. 35 cop.; 3 Mrk.
3. **Arthur Mac Donald.** Mental ability in relation to head circumference, cephalic index, sociological condition, sex, age and nationality. 1914. I+10 pages. gr. 8⁰. Prix 20 cop.
4. ***Dr. K. Z. Jacuta.** Description systématique illustrée de la collection des monstres du Musée d'Anthropologie et d'Ethnographie Pierre le Grand de l'Académie Impériale des Sciences. Livraison III. — Thoracopages. 1915. III+105—152 pages. gr. 8⁰. Prix 1 rbl.

Volume III.

Sous presse.

Volume IV.

1. ***V. M. Ionov.** Le génie de la forêt chez les Yakoutes. 1916. I+43 pages. gr. 8⁰. Prix 50 cop.

Цѣна 50 коп.; Prix 50 cop.

Продается въ Книжномъ Складѣ Императорской Академіи Наукъ и у ея коммиссіонеровъ:
И. И. Глазунова и К. Л. Риккера въ Петроградѣ, Н. П. Карбасникова въ Петроградѣ, Москвѣ, Варшавѣ и Вильнѣ, Н. Я. Оглоблина въ Петроградѣ и Кіевѣ, Н. Киммеля въ Ригѣ, Люзакъ и Комп. въ Лондонѣ.

Commissionnaires de l'Académie Impériale des Sciences:
J. Glazunov et C. Ricker à Petrograd, N. Karbasnikov à Petrograd, Moscou, Varsovie et Vilna, N. Ogloblin à Petrogra et Kiev, N. Kymmel à Riga, Luzac & Cie à Londres.

